

УДК 004.93'11[355.4(656.9:711.8):351.746.1]

Тынянова О.Н.

Концепция организованного геополитического пространства: инфраструктурная организация приграничных ТВД¹ в постклассическую эпоху

¹ **Театры военных действий** — часть мирового пространства, включая космическое, в пределах которого разворачиваются группировки (формирования) Вооружённых Сил государства, коалиции государств и могут вестись военные действия.

Тынянова Ольга Николаевна, кандидат политических наук, ведущий инженер Института физики Земли РАН, научный сотрудник бюро военно-научной информации Военного университета Министерства обороны РФ, вице-президент Отделения погранологии Международной академии информатизации

E-mail: ucg.ltd@list.ru, pro_gnosis@mail.ru

Представлен авторский подход к трактовке категории «геополитическое пространство», основанный на теории динамического социального пространства А.Б. Докторовича. Дан краткий анализ соотношения «территориального» и «пространственного» в геополитике, представлены авторская классификация универсальных ресурсов власти и оригинальное определение размерности социального в целом и геополитического в частности пространства. Организация пространства трактуется в духе социологии Бурдьё — Лефевра — Докторовича, культурологии М. Фуко и тектологических идей А.А. Богданова, на основании чего автором были уточнены отдельные дефиниции («геополитическое пространство», «пограничное пространство», «приграничные театры военных действий (ТВД)»), выделены приграничные и пограничные ТВД, а также предложена периодизация эволюции их инфраструктурной организации. Обосновывается вывод о переходе в постклассический период к новому типу геополитической практики — «геополитике знания».

Ключевые слова: концептуализация; геополитическое пространство; пограничное пространство; инфраструктурная организация пространства; приграничный театр военных действий; спатиализация; модальность; власть; знание; «геополитика знания».

Мир, представленный в современных геополитическом и глобализационном (и в целом постмодернистском) дискурсах, — деконструированный полиморфно-неопределенный мир, в котором на смену государствам с их делимитированными и демаркированными границами приходят регионы, границы определяются скорее «контекстно», а то и «интертекстуально» (поскольку историко-культурный, экономический, международно-правовой и проч. «контексты» могут существенно различаться). Парадоксальность (а при более внимательном рассмотрении — закономерность) геополитики постмодерна, однако, заключается в том, что «деконструкция центров», отказ от «центричности» в пользу периферийности / маргинальности превращают мир «размытых» («слабых») государственных границ в мир множества «других мест» — гетеротопий (М. Фуко), в мир куда более многочисленных «жестких» границ уровнем существенно ниже государственных, прежде всего этнических, а также границ экономических кластеров, — по сути, в мир глобального пре-модерна, воскрешая тем самым эпоху средневековых сеньориально-ленных отношений. Поскольку же границы «феодов» оказываются в значительно в большей степени барьерными по сравнению с границами национальных государств — что хорошо известно из учебников истории Средних веков, — количество и острота конфликтов, которые могут квалифицироваться как пограничные, в эпоху многополярности (она же — эпоха глобализации) существенно возрастает, что актуализирует каждую — как старую, государственную, так и «новую», неогосударствляемую, — границу как театр военных действий (ТВД), и этот театр, как и любой другой, требует своего обустройства. К таковому обустройству сегодня, однако, предъявляются гораздо более высокие требования, нежели в биполярную эпоху, поскольку

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

конфликтногенная нагрузка на государственные границы существенно возрастает — и потому, что сколь бы ни был ослаблен институт государства, он, как мы показывали ранее [Тынянова 2010 г, 2011а], остается единственным эффективным гарантом безопасности (а также и самых демократических прав и свобод, прежде всего прав человека, и даже наиболее эффективным субъектом модернизации и инновации), и потому, что традиционная цель геополитической экспансии — получение эксклюзивного доступа к ресурсам, держателями которых являются государства, обретает сегодня новые формы агрессии (информационной, информационно-психологической, экологической и проч.).

По этой причине концепт государственной безопасности, а с ним и тезис К. Клаузевица «государство защищено до тех пор, пока защищены его границы» [Клаузевиц 1934, с. 336] обретают сегодня едва ли не второе дыхание (каковым является введение государствами Евросоюза внутренних границ, пусть даже декларируемое как временное²). Для России же данное

² «Еврокомиссия, Европарламент и Совет Евросоюза после затяжных переговоров одобрили пакет новых правил, которые, в частности, дают право странам-участникам вводить пограничный контроль на внутренних границах в том случае, если государственной безопасности будет что-либо угрожать [разрядка и курсив мои — О.Т.]» [Страны Евросоюза возвратят внутренний пограничный контроль 2013].

положение тем более актуально, что в настоящее время на южном и юго-западном направлениях у границ России сохраняется несколько конфликтоопасных зон, а, по некоторым оценкам (см., напр.: [Китай берет под контроль российские СМИ... 2010; Храмчихин 2011]), на юго-восточном направлении такая зона может возникнуть в обозримом будущем. В этих условиях стратегическое значение инфраструктуры приграничных территорий не утрачивается ни при ведении боевых действий с применением современных видов оружия, в том числе приближающегося по своим характеристикам к ядерному, ни в условиях войн нового типа — «всемирной мятежной войны» (Е. Месснер), информационных и информационно-психологических войн: появление новых видов и театров войны отнюдь не означает снижения роли, тем более исчезновения традиционных. Более того, представляется очевидным, что развитость инфраструктуры остается материализованным символом геостратегического контроля, а с появлением новой технологии ведения войн — «стратегии организованного хаоса» [Владимиров 2009] — и нового, «экстерриториального» театра войны — психоэмоциональной сферы вовлеченных во «всеобщую мятежную войну» человеческих масс — значимость таких характеристик инфраструктурной организации приграничных территорий, как связность, проницаемость и глубинность, оказывающихся важнейшим ресурсом власти, не только не уменьшается, но и существенно возрастает. Так, в частности, уже в ходе первого периода военной кампании НАТО против Югославии крылатыми ракетами воздушного и морского базирования было разрушено 100% мостов через Дунай, 70% автомобильных и железных дорог [Слипченко 1999].

Сказанное означает необходимость если не ревизии, то, по крайней мере, нового этапа концептуализации геополитики как сферы принятия управленческих решений: существующий научный — и прежде всего понятийный — аппарат современной, по крайней мере, отечественной геополитической науки формировался в условиях необходимости рефлексии геополитической катастрофы конца XX в., но едва ли позволяет структурировать глобальную «текучую современность» (З. Бауманн), видеть не только отдельные сегменты и направления в пределах отдельно взятых границ между двумя соседними государствами, но всю макрорегиональную (а в идеале — мировую) систему границ, выявляя угрозы безопасности государства, возникающие не только непосредственно на сопредельных с ним территориях, но и на значительном удалении от государственной границы, и выработать адекватные стратегии. Между тем, как справедливо утверждает Г.В. Сорина, «в том случае, если система понятий, выбранных для реализации какой-то цели, может оказаться неадекватной сформулированным задачам, возникает необходимость в рациональной критике существующей системы понятий вне зависимости от области ее функционирования... Меняя понятийную сетку, мы меняем образ мира, в котором мы живем, уточняем или изменяем сферу нашей деятельности. Любая деятельность, не поддержанная системой понятий, оказывается провальной, невозможной. ... Человек постоянно уточняет и изменяет те системы понятий, в рамках которых осуществляется его деятельность. Однако общая идея необходимости, с одной стороны, концептуализации любой сферы деятельности, с другой стороны, — уточнения уже проведенной концептуализации не просто присутствует всегда и в любой области, созданной в результате деятельности человека, но и «работает» подобным образом в любой из форм его деятельности» [Сорина 2009, с. 97–98]. Применительно к геополитике как сфере деятельности и области научного знания — и в целом, и в свете заявленной нами проблематики — уточнению проведенной ранее концептуализации в первую очередь подлежат, на наш взгляд, категории ресурса и пространства.

Контуры ресурсно-пространственного подхода³

³ Основы данного подхода заложены Н.А. Комлевой, впервые выделившей в своей работе «Структура мирового господства» (Пространство и Время. 2012. № 1 (7). С. 37–46) три составляющие структуры мирового господства: 1) институциональную, 2) ресурсную и 3) технологическую подструктуры.

Частое использование устойчивых словосочетаний, содержащих существительное «ресурс» и всевозможные производные от него, связывается сегодня с природными ископаемыми, в первую очередь с углеводородным сырьем.

Такая трактовка данного термина дана, в частности, в вышедшей в самом начале нового тысячелетия монографии

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

«Ресурсная геополитика» В.И. Кузьмина с соавторами [Кузьмин и др. 2000—2001], причем авторы (не позиционирующие себя в качестве профессионалов в области теоретических геополитических исследований) принципиально разводят категории «ресурсной» и «структурной» геополитики, что в данном случае диктуется логикой представленного ими анализа. Однако подобное узкое понимание категории «ресурсного» появляется и на страницах недавних работ признанных современных российских геополитиков-профессионалов. Так, по мнению президента Академии военных наук генерала армии М.А. Гареева, «источники противоречий между государствами и народами, конфликтов и войн пока остаются прежними — территориальные претензии, борьба за сырье, межэтнические, социально-политические антагонизмы. Но главными в этом списке в XXI веке будут конкуренция и борьба за энергетические ресурсы. И прежде всего — за нефть, запасы которой при современном уровне потребления все более сокращаются» [Гареев 2003]. Н.А. Нарочницкая полагает, что в XXI в. основная борьба в мире развернется за ресурсы, и «Россия, которая имеет 4% населения мира и 40% всех мировых ресурсов, будет главным объектом этой борьбы» [Нарочницкая 2011, с. 3] «Нарастающий мировой кризис, — вторит ей вице-президент Академии геополитических проблем К. Сивков, — сделал очевидной необходимость радикального пересмотра принципов глобального миропорядка, сформированных в середине прошлого века и не учитывающих нынешние реалии. ... При этом основным побудительным мотивом, судя по всему, станет борьба за ресурсы» [Сивков 2012]. Никтоим образом не подвергая сомнению авторитетное мнение цитируемых исследователей, заметим, однако, что, во-первых, во все времена политическая (и геополитическая) борьба велась именно и только за ресурсы, — если понимать таковые как «запас, необходимый для сохранения чего-л.; запас возможностей;... источник получения материальных и духовных благ; параметр, компонент, на который наложено ограничение; материальную основу всякой деятельности» [Идеографический словарь русского языка 1995], т.е. средство адаптации (каковая, по Л. фон Бергаланфи, является целью любой живой системы — от простейшего микроорганизма до политической системы общества).

Именно такая трактовка данного термина лежит, в частности, в основе т.н. «ресурсного» анализа избирательных кампаний, предполагающего шкалирование «веса» / «объемов ресурсов», контролируемых тем или иным актором, в том числе и «административного веса» в исполнительной и представительной иерархиях власти (административного ресурса) [Кордонский 1995; Россия на выборах... 1995; Амелин, Дегтярев 1998, с. 157—167]. В свою очередь Н.А. Комлева при рассмотрении структуры мирового господства указывает на ведущую роль в геополитическом процессе не столько ресурсов географического пространства, сколько идеологических и кибернетических ресурсов, однако, ссылаясь на то, что «ресурсная подструктура мирового господства являлась предметом исследования поколений ученых как классического, так и постклассического периода развития геополитической науки» от Мэхэна до И. Лакоста, П.-М. Галлуа, Зб. Бжезинского, А. Дугина и А.С. Панарина, вопроса о таковой подструктуре мирового господства практически не затрагивает [Комлева 2012, с. 39].

Между тем, исходя из приведенного выше определения, можно, как представляется, говорить об иерархии ресурсов, необходимых для существования любой политической системы.

Универсальным ресурсом первого порядка является земля (территория). В самом деле, объектом властных устремлений всех геополитических акторов — и «экстерриториальных»⁴, и «акторов вне суверенитета» — в любую эпоху

⁴ Несмотря на то, что данный термин является устоявшимся, представляется более корректным говорить о территориально-распределенных акторах геополитики (сетях и сетеподобных структурах) — в отличие от территориально-локализованных (государств): во-первых, основным местом человеческой деятельности остается Земля (что вряд ли кардинально изменится в обозримом будущем), и даже в случае сетевых структур и ТНК можно говорить о вполне определенных территориях (местах) расположения их головных офисов, а также о территориях (местах) принятия конкретных управленческих решений; во-вторых, как мы неоднократно отмечали в своих предыдущих работах, целью любых территориально-распределенных геополитических акторов является установление контроля над территориальным локусом, будь то государство или регион.

была и остается именно территория (земля) как первичный универсальный ресурс, а целью политики как государственно-го управления — контроль над данным ресурсом, т.е. получение и распределение тех (вторичных) ресурсов, источником которых территория является. По этой причине, на наш взгляд, о «поствестфальской» эпохе «ограниченного суверенитета» следует говорить как о форме перераспределения такового, а именно перераспределения территориальной — государственной — власти (которая, по М. Веберу, и есть «узаконенное право на территорию»). Не случайно Стивен Краснер, ныне профессор Стэнфордского университета, а в недавнем прошлом — директор отдела политического планирования Госдепартамента США, т.е. геополитик-практик, один из «архитекторов» современного миропорядка, подчеркивает: «...легальный международный суверенитет и Вестфальский суверенитет предполагают вопросы власти и легитимности, но не вопрос контроля» (цит. по: [Филиппов 2006, с. 188]), разводя тем самым, в духе З. Бауманна, *Machte* и *Staat*, мощь (власть) и государство, таковую мощь (власть) институализирующую. В отличие от династического и наследующего ему Вестфальского суверенитета — суверенитетов «по факту владения» — «поствестфальский» миропорядок активно утверждает суверенитет «по факту контроля» («глобализация — это «мир со слабыми границами, мир со слабым национальным государственным контролем, что позволяет экономической, политической и интеллектуальной элите выйти из системы национального контроля и национального консенсуса [разрядка и курсив мои — О.Т.]» [Панарин 2001]).

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

В геополитической плоскости это вопрос нового «передела мира», т.е. раздела территорий между геополитическими центрами силы на сферы влияния — на сферы нового ресурсного потребления — и установления новых границ, прозрачных и барьерных ровно настолько, насколько это способствует такого рода влиянию (ресурсному потреблению): разведение мощи (власти) и государства превращает геополитический гегемон в единственный субъект власти (размытое «контроль» в этом случае тождественно вполне конкретизированному «власть»), а прочие государства — в регионы. «Политический регион представляет собой определенную территорию, выделенную субъективным способом, произволом доминирующей геополитической силы — не просто исходя из потребности контроля над ним, но и потому, что таким образом ей удобно рассматривать пространство своего действия» [Лурье, Казарян 1994].

Современный многополярный мир образовался, как известно, при распаде одного из «полюсов» мира биполярного. В этих условиях, с одной стороны, конкурентная борьба за ресурсы между новыми центрами ужесточается многократно (поскольку многократно возрастает количество потребляющих — и стремящихся потребить как можно больше — геополитических акторов). С другой стороны, наличие множества новых акторов-«центров», заведомо более слабых, нежели геополитический гегемон, и не имеющих без его помощи возможности получить доступ к значительной части (вторичных) ресурсов, означает новых виток колонизации, по сути своей ничем не отличающийся от первого, времен XVII в., ее этапа: как и тогда, современные, теперь, правда, уже цивилизованные «аборигены» (новые геополитические центры и новые, как правило, этнические элиты) готовы предложить имеющийся в их распоряжении первичный универсальный — территориальный — ресурс в обмен на производные от него вторичные неуниверсальные ресурсы.

Это делает возможным принципиально по-новому говорить о приграничных территориях. Действительно, если в формате Вестфальской системы в качестве таковых — в политическом их понимании — выступали административно-территориальные единицы отдельных государств и буферные территории (буферные государства-лимитрофы, см., напр. [Лурье, Казарян 1994]), то в поствестфальскую эпоху, воплощая на практике логику постмодерна, лимитрофами и приграничными могут оказаться едва ли не любые территории, в том числе и собственно государства, и отдельные регионы (и даже сам Запад [Барма и др. 2008]), если таковые рассматриваются каким-либо центром в качестве источника ресурса. В скобках заметим, что в свете сказанного как концепции «беспольного мира» (З. Бауманна, Р. Хааса [Бауманн 2004, 2008; Хаас 2008] и их последователей), так и «теория многополярного мира» (А. Дугина) [Дугин 2013] представляются скорее попыткой своего рода «оправдания центричности», феноменом «(гео)политики памяти» (по А. Миллеру [Миллер 2008]) — стремлением представителей старых геополитических центров удержать ту самую «текущую современность», представив ее как перспективную в смысле «реинкарнации» ведущих (или некогда бывших ведущими) центров силы (см., напр.: [Сперанская 2013]).

Однако и сам передел мира требует дополнительных ресурсов. Те из них, которые позволяют непосредственно устанавливать территориальный контроль и поддерживать его необходимый (для сохранения территориальной же — государствоподобной — власти) уровень, можно считать универсальными ресурсами «второго порядка».

Универсальными ресурсами второго порядка, обеспечивающими доступ к ресурсу первого порядка, а также производство (воспроизводство) и распределение всех прочих ресурсов, являются человек (население)⁵

⁵ Выходящие за рамки данной статьи вопросы, связанные с количественными (демографическими) и качественными характеристиками населения, характеризующими данный ресурс, подробно рассматривались нами ранее в связи с организацией пограничного пространства России [Тынянова 2008].

и организация — и как «внутренняя упорядоченность более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленные его строением» [БСЭ 1969—1978, <http://bse.sci-lib.com/article084795.html>], и как «совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого» [БСЭ 1969—1978, <http://bse.sci-lib.com/article084795.html>; *Политическая наука...* 2010]. «Все интересы человечества — организационные» [Богданов 1921], — это утверждение остается справедливым и для постклассической эпохи.

В самом деле, то, что о династическом и Вестфальском суверенитетах говорится как о суверенитетах «по факту (институционализованного) владения», отнюдь не означает, что «поствестфальский» суверенитет есть неинституционализованный (деинституционализованный) контроль территорий: описываемый А.С. Панариным мир глобализации — это не столько «мир со слабыми границами, мир со слабым национальным государственным контролем, что позволяет экономической, политической и интеллектуальной элитам выйти из системы национального контроля и национального консенсуса», сколько попытка других форм институционализации, предположительно позволяющих получать большее количество (и при этом более статусных) ресурсов из все той же территории, т.е. попытка сращивания национальной элиты и негосударственных (неогосударственных, а в ряде случаев и маргинальных) акторов с целью создания «государствоподобных» структур (примером чего можно считать, в частности, «государство-корпорацию» А. Фурсова [Фурсов 2007]).

И здесь возникает вопрос, на первый взгляд кажущийся сугубо терминологическим. Речь идет о соотношении категорий и феноменов «территориальности» и «пространственности» — вопросе, представляющемся нам весьма актуальным в контексте проблематики современного понимания обустройства любого ТВД, тем более приграничного.

Обратимся к словарям. Толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой приводит два значения понятия «террито-

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

рия»: «1. Часть земного шара, включая сушу, воды и воздушное пространство над ними, подвластная какому-либо государству или входящая в состав какой-либо части света. Часть какой-либо страны. 2. Земельное пространство, занятое населенным пунктом, учреждением, предприятием и т.п. или предназначенное для них» [Ефремова 2006]. Те же два значения приводит Идеографический словарь русского языка. И если Большая советская энциклопедия дает определение только категории «территория государственная», уходя от использования при этом и от термина «поверхность», и от термина «пространство» («часть земного шара, находящаяся под суверенитетом определённого государства») [БСЭ 1969—1978, <http://bse.sci-lib.com/article110238.html>], то большинство прочих словарей и энциклопедий (см., напр.: [Винокур и др. 1948; Ожегов, Шведова 1992; Большой экономический словарь 2009; Социология... 2003]) определяет территорию именно как *земельное пространство*, привнося некую долю неопределенности фактическим установлением тождества между территориальностью и пространственностью, в то время как вполне справедливое утверждение о несводимости одного к другому многократно воспроизводится даже в безымянных рефератах, растиражированных в сети интернета.

Наиболее корректное, на наш взгляд, прояснение этой ситуации находим в Толковом словаре В.И. Даля [Даль 1956], определяющего территорию как «*весь объем и простор* [здесь и далее разрядка и курсив мои — О.Т.] земли государства», и в Географическом энциклопедическом словаре: «Территория — наименование *любой части поверхности суши*, может относиться к любому таксону пространственной иерархии — ареалу, городу, району и т.п. В то же время это *эмпирическое выражение абстрактного понятия пространства*. Территория обладает свойством протяженности и особым ресурсом — площадью суши, выполняя тем самым роль пространственной основы среды обитания человека и любых видов его деятельности» [Географический энциклопедический словарь 1988, с. 307].

Иными словами, говоря об инфраструктурной организации какой-либо территории (в нашем случае — приграничной), мы, по сути, имеем в виду расположение (в географическом смысле слова) в трехмерном *физическом* пространстве, а также сооружение и управление функционированием (в административном и политическом смысле этого слова) элементов транспортной, энергетической, социальной и т.п. инфраструктуры, соединяющих — связывающих между собой — отдельные «части среды обитания человека и любые виды его деятельности», в случае приграничных территорий — рассматриваемых относительно оси «центр — периферия». При этом человеческая деятельность и ее результаты представляют собой своего рода «четвертую» координату.

Такой подход лежит в основе представлений Е. Месснера о войне нового типа — «всемирной мятежевойне», когда «воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади оружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический; воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было с момента зарождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением...» [Месснер 1999, с. 376]. Такой подход — при включении в число элементов пограничного пространства в качестве (относительно) самостоятельного пространства соответствующих культурных смыслов, а именно «идеи пространства» и «мифов о пространстве», лежащих в основе политического и цивилизационного дискурсов, — был успешно реализован нами ранее для определения возможностей государства сохранять устойчивость (в терминах «ресурсного подхода» — возможность государства как основного политического института сохранять суверенный контроль над универсальными ресурсами первого и второго рода) в геополитических процессах [Тынянова 2008].

Тогда пограничное пространство государства было определено нами как совокупность административно-территориальных единиц, непосредственно прилегающих к линии государственной границы (в случае Российской Федерации — ее субъектов) и соответствующего административно-политического дискурса; организация пограничного пространства — как структурная организация, подразумевающая внутреннюю упорядоченность более или менее дифференцированных элементов пограничной периферии, обусловленных ее строением, а также совокупность процессов и действий, ведущих к эволюции взаимосвязей между пограничной периферией и политическим центром государства и являющихся результатом осуществляемых им хозяйственно- и политико-административных мер, обусловленных содержанием глобальных и региональных геополитических процессов. Сам же геополитический процесс определялся как проявление в пространстве и времени соответствующего политического дискурса, протекающее в форме территориально-политической и взаимообусловленной ею социально-экономической, этнополитической и социокультурной интеграции и дифференциации, а устойчивость государства в геополитических процессах — как способность государства как субъекта международных отношений поддерживать уровень внутривнутриполитической интеграции (единства), обеспечивающий как минимум сохранение своего геополитического статуса и геостратегического положения.

Геополитическое же пространство оставалось в этом случае существующей «по умолчанию» внешней средой протекания геополитических процессов и местонахождения государства как политического ландшафта⁶.

⁶ «*Политический ландшафт представляет собой пространственно организованную систему, включающую в себя феномены политической жизни и природные условия и обладающую территориальностью (протяженностью, площадью)* [курсив Р.Ф. Туровского — О.Т.]» [Туровский 1995, с. 37]. Обратим внимание на подчеркнутое понимание территории как плоскости: среди приведенных Р.Ф. Туровским характеристик территории как объекта политической деятельности и места ее реализации приводятся только те, которыми описываются поверхности.

Однако даже если считать, что в подобного рода ландшафтах «психика... народов является четвертым измерением»

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

(Е. Месснер), территория, будучи трехмерным физическим пространством, тем не менее, в качестве объекта и места деятельности человека (в том числе и войны как особого вида деятельности) при ближайшем рассмотрении остается все же именно и только поверхностью.

По этой причине данный подход оказывается недостаточным, когда речь идет об организации геополитического пространства как такового и пограничного пространства как его сегмента: еще Ф. Ратцель указывал на тот факт, что пространство есть нечто большее, чем физико-географическое понятие, то есть не только территория, которую занимает то или иное государство, но и политическая сила, влияющая на человека, определяющая его взгляды на мир и его поведение [Ratzel 1901, 1903] — что, по сути, является прямой отсылкой к Аристотелю («сила места будет [поистине] удивительной и первой из всех [прочих сил], ибо то, без чего не существует ничего другого, а оно без другого существует, необходимо должно быть первым: ведь место не исчезает, когда находящиеся в нем [вещи] гибнут». Физика 208b35—209a [Аристотель 1981, т. 3, с. 124]).

Между тем даже включение в «систему координат» человеческой деятельности как таковой и ее результатов (поскольку и деятельность, и ее результаты сами находятся в некотором, и не только физическом, пространстве), хотя и позволяет говорить о силе, точнее, мощи государства, не позволяет судить ни о «силе места» данного государства / региона / макрорегиона в геополитическом пространстве, ни об изменениях этой силы, ни о вкладе в нее пограничного пространства. Так, например, заявленные в названии самой по себе весьма значимой для понимания современных геополитических «шахматных досок» статьи С. Лурье и Л. Казаряна [Лурье, Казарян 1994] «принципы организации геополитического пространства» при ближайшем рассмотрении оказываются принципами организации геополитически значимой территории.

Заметим в этой связи, что несмотря ни на публикационно-геополитический бум 1990-х гг., вызванный происходившими в этот период геополитическими же «изменениями структурного порядка»⁷, ни на обилие определений геополитического

⁷ Из доклада Рузвельта своему кабинету о своих переговорах от 29 сентября 1937 г. со специальным представителем правительства Франции Рэнсименом: «Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и ... сохранит свой нейтралитет до того как начнутся геополитические изменения структурного порядка» (цит. по: [Документы и материалы Второй мировой войны... 1981, т. 1, с. 59]).

пространства (на запрос «геополитическое пространство определение» в поисковике Google сегодня можно получить 232 000 результатов, а при запросе «геополитическое пространство» это количество результатов увеличивается до 582 000), так и не появилось строгой дефиниции этого базового геополитического понятия — того, что Ф. Ратцель назвал «жизненным пространством», — организация которого и является важнейшим геополитическим ресурсом.

Не углубляясь в существо данной проблемы, тем более в ее историю, отметим, что в целом в современной теории геополитики сохраняется два исторически сложившихся подхода к пониманию пространства, идущие от Платона и Аристотеля и — в Новое время — от И. Ньютона (пространство есть абсолютная протяженность, вместилище материи и процессов) и Г. Лейбница (пространство есть отношение — порядок взаимного расположения — множества тел, существующих вне друг друга). Однако ни платоновский «хорос» — «обитель всему рождающемуся» (Тимей 85с [Платон 1994]), вместилище как один из родов всего сущего, — ни аристотелевский «топос» — «место места» (Физика 210а [Аристотель 1981, т. 3, с. 127]), совокупность мест тел, в котором происходит их движение, — не есть пространство, античная философия оперировала не пространствами, а местами. И потребовались века, чтобы сначала Фома Аквинский впервые сформулировал различие между математическим абстрактным и физическим реальным пространством-местом, чтобы схоластами после Аквината были введены в научный оборот такие концепты, как реальное, возможное и воображаемое пространства, чтобы в эпоху Возрождения и Великих географических открытий стремительное расширение ойкумены создало эффект превращения воображаемого пространства в возможное и их обоих — в реальное и чтобы, наконец, усилиями великих астрономов XVI в. — Тихо Браге, Галилея и Коперника — «хорос» и «топос» окончательно превратились в то собственно пространство — *space*, — для которого Декарт создавал свою систему координат и которое стало предметом острого спора Ньютона и Лейбница [Гайденко, Смирнов 1989; Никулин 1993].

Геополитика, однако, возможно, в силу своей изначальной «геоцентричности», «коперниканской революции» так и не пережила: объект-предметной сферой геополитических исследований оказались, по существу, не пространство и отдельные его сегменты, а места и плоскости⁸.

⁸ Попытку придать геополитике «пространственность», предпринятую В.К. Батуриным [Батурин 2012], едва ли можно считать успешной: русский космизм (даже если это космизм К.Э. Циолковского), предлагаемый В.К. Батуриным в качестве метафизического и онтологического основания геополитики, не является ни гносеологическим, ни методологическим продвижением вперед по ни отношению к существующим определениям геополитики, ни по отношению к определению пространства, приведенного, например, в Новой философской энциклопедии (пространство есть «1) форма созерцания, восприятия представления вещей, основной фактор высшего, эмпирического опыта; 2) способ существования объективного мира» [Никулин 2010]). Парадигма пространства остается все той же: трехмерное физическое пространство, остающееся «поверхностью» (плоскостью в прямом и переносном смысле

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

слова) человеческой деятельности плюс сама эта деятельность и ее результаты, образующие «дополнительную» координату. Соответствующая такой парадигме геополитика, даже становясь «геокосмополитикой» [Пырин 2011] остается по-прежнему «плоскостной»: космос оказывается всего лишь еще одной «территорией» (а, точнее, «местом»), завоевание которой призвано решить проблему исчерпания запасов ископаемых ресурсов Земли.

Соответственно, и реализуется при этом два подхода: либо «ландшафтный» — хорологический⁹, либо топологический¹⁰.

⁹ От «**хорология**» (хорологическая концепция) — научное направление в географии, основной идеей которого является рассмотрения объекта географии как пространства, заполняемого предметами и явлениями, локальные связи между которыми носят причинно-следственный характер. Основоположителем хорологического подхода является А. Геттнер, хотя подобного рода идеи высказывались А. Гумбольдтом и К. Риттером. Наиболее ярким и последовательным сторонником современного хорологического подхода в политологии является Р.Ф. Туровский, полагающий, что «методологической основой исследований политического пространства должен быть хорологический анализ политического процесса» [Туровский 1995, с. 34]

¹⁰ **Топология** — «наука, учение о местностях» [Словарь иностранных слов... 1910]; «учение о модальных отношениях пространственных образов, или о законах связности» (И.Б. Листинг, цит. по: [Колмогоров, Юшкевич 1981, с. 98]), «раздел математики, изучающий в самом общем виде явление непрерывности, в частности свойства пространства, которые остаются неизменными при непрерывных деформациях, например, связность, ориентируемость» [Топология... <http://ru.wikipedia.org/wiki/Топология>].

В рамках первого подхода, как и в классическом хорологическом подходе от А. Гумбольдта и К. Риттера до А. Геттнера [Гумбольдт 1959; Риттер 2005; Геттнер 1930], причинно-следственные связи устанавливаются в пределах конкретного ландшафта-«месторазвития», причем сами геополитические ландшафты в этом случае весьма напоминают монады Лейбница; лейбницевская «предустановленная гармония» также имплицитно присутствует в данном подходе — ее обеспечивает сам факт земного местонахождения ландшафтов-«хоросов». Такой подход соответствует классическому определению геополитики¹¹ и используется преимущественно в рамках т.н. цивилизационных геополитических исследований, для выявления

¹¹ **Геополитика** — «наука об отношении земли и политических процессов», «учение о зависимости политических событий от земли», «наука о политической форме жизни в жизненном пространстве в ее зависимости от земли и обусловленности историческим движением» (К. Хаусхофер); «наука о взаимоотношениях между окружающим человека пространством и политическими формами его жизни» (А. Хаусхофер) (цит. по: [Колосов, Мироненко 2001]).

историко-географических, этнокультурных, социально-экономических и проч. факторов формирования геополитических кодов и геостратегий того или иного актора. Используется данный подход и в большинстве работ по пограничной и, шире, национальной, безопасности и в большинстве исследований в области лимологии — в этом случае максимально возможные барьерные функции границы («железный занавес») по умолчанию принимаются в качестве нормы (или утопии в том смысле, какой вкладывал в этот термин М. Фуко, т.е. идеальной пространственной формы, не имеющей именно в силу своей идеальности конкретной территориальной локализации). Заметим в этой связи, что такая модель и, соответственно, ландшафтно-хорологический подход (опять же по умолчанию) реализуется на практике на границах государств с высокой контрастностью экономических, политических и культурных потенциалов (граница США и Мексики, внешние границы Евросоюза; аналогичной является и израильско-палестинская граница, хотя она по своему правовому статусу является не внешней, а внутренней, отделяя политическую автономию). Нельзя не упомянуть и о попытке использования хорологического метода для определения самого политического пространства: «Политическое пространство как категория политико-географического анализа представляет собой синтез географического пространства с политическим процессом, многообразие географических объектов, которые выступают в качестве субъектов политического процесса, т.е. элементов пространственных политических систем» [Туровский 1995, с. 34] (которое все же едва ли можно считать удачным, поскольку определяемое определяется через самое себя: «политическое пространство... представляет собой ... многообразие элементов пространственных политических систем»). В то же время несомненной гносеологической и методологической ценностью ландшафтно-хорологического подхода остается то, что в его рамках «любой ландшафт (даже вроде бы самый далекий от политического ландшафта природный ландшафт в толковании отечественных физико-географов) является политическим ландшафтом. Причина этого — в его связи с политической активностью человека, в его значимости для политической культуры» [Туровский 1995, с. 37].

В основании второго подхода заложено современное понимание геополитики как проблемной научной области, изучающей «объективно существующие пространственные целостности, имеющие политический смысл» [Колосов, Мироненко 2001, с. 9], а также все формы (империи, федерации и проч.) и процессы (колонизация, военно-политическое и экономическое принуждение и т.д. и т.п.), «связывания» политически значимых территорий. В скобках заметим, что прослеженная М. Фуко ретроспектива топологии [Фуко 2006 а, ч. 3, с. 191–204] при ближайшем рассмотрении оказывается историей изменения отношения не к пространству, а переходу от локуса (средневековой иерархии мест) к плоскости — протяженности (категория местоположения). Данная категория, определяемая Фуко как отношения соседства между точками и элементами, так и не стала пространством, поскольку де-факто описывалось все в той же двумерной системе координат.

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

Топологический подход не учитывает причинно-следственные связи внутри ландшафта, больше того, вообще не рассматривает отдельные ландшафты, зато чувствителен к разделяющим их границам как к местам возможного нарушения связности территории. В этом смысле данный подход оказывается теоретическим основанием контактных функций границ — а заодно и геополитической практики их «стирания» (инкорпорации, подчинения) любым геополитическим центром силы.

Между тем на рубеже XIX—XX вв. в понимании пространства произошла «вторая коперникианская революция», проявлением чего и стало осмысление Ратцелем данной категории как выходящей за рамки «географического»: результатом того, что в лингвистике получило название «смещения семантических полей», стало включение термина «пространство» в группу понятий, описывающих не только конкретную физическую реальность и абстрактную математическую конструкцию, но и метафизику человеческого бытия. Аналогичным образом и в России, если Толковый словарь русского языка В.И. Даля определяет пространство еще только «географически» — как «состояние или свойство всего, что простирается, распространяется, занимает место; самое место это; простор, ширь и глубь, часто по трем измерениям своим» [Даль 1955, т. 3, с. 515], то в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона столь однозначная «привязка» к образу протяженности отсутствует — как, впрочем, и самое определение пространства: в соответствующей статье Вл. Соловьев, отмечая, что «для правильного объяснения пространства необходимо, прежде всего, отчетливо различить в нем чистый факт — то, что дано в самом существовании пространства как такового и не может подлежать сомнению, — от тех суждений об этом факте, которые выражают его гносеологическую и метафизическую оценку», утверждает: «...вопрос о пространстве по существу допускает лишь чисто метафизическое решение» [Соловьев 1890—1907]. По вполне понятным причинам всякое упоминание о таком решении отсутствует в трактовке данного термина в Большой советской энциклопедии, но на рубеже XX и XXI вв. оно появляется снова, и Новая философская энциклопедия дает следующее определение: «Пространство — 1) форма созерцания, восприятия представления вещей, основной фактор высшего, эмпирического опыта; 2) способ существования объективного мира» [Никулин 2010], что позволяет понимать пространство в философском смысле в том числе и как форму «снятия» пространства в смысле «физико-географическом».

Что касается пространства в современной отечественной геополитике, то собственно метафизический подход в ней (разрабатываемый, например, А. Дугиным) едва ли сегодня можно рассматривать как форму «снятия» географического / территориального, хотя именно это «по определению» предполагает — и даже требует — геополитика. В исследованиях же, посвященных вопросам пограничной безопасности, несмотря на декларированный переход «от линейного к пространственному видению границ» (В.И. Боярский) и превращение термина «пограничное пространство» в устойчивое словосочетание, речь по-прежнему идет о плоскостях (а чаще о местах), отчего сама категория пространства в указанных исследованиях остается неопределенной.

При этом в рамках как ландшафтного, так и топологического подходов геополитическое (и, тем более, пограничное) пространство оказывается в лучшем случае, с одной стороны, аристотелевским «местом мест», с другой, — его «мыслимым образом» (образами), что в целом соответствует философскому (нестрогому) определению категории пространства, но не позволяет в этом пространстве ориентироваться сколько-нибудь однозначным образом. Действительно, если речь идет (в терминах Новой философской энциклопедии) о пространстве как о «способе существования объективного мира», мы имеем дело с трехмерным пространством, в котором (по Аристотелю и по Ньютону) определяется положение физических тел, происходит их механическое движение, геометрическое перемещение различных физических тел и объектов и которое описывается векторным пространством — математической структурой, формирующейся набором элементов (векторов), для которых определены операции сложения друг с другом и умножения на число — скаляр (обычные евклидовы вектора, использующиеся для демонстрации физических сил, являются частным случаем векторов подобного пространства). При этом вектор как элемент векторного пространства не обязательно должен быть представлен в качестве направленного отрезка; векторы могут иметь различную природу — направленные отрезки, функции, матрицы, числа и др., однако все векторные пространства одной размерности изоморфны между собой (т.е., в определенном смысле, «одинаково устроены») [Курош 1968; Мальцев 1970]. Принципиальным же для любых «пространственных» исследований будет такая важнейшая — одна из главных — характеристика векторного пространства, каковой является *размерность* — максимальное число линейно независимых элементов пространства [Курош 1968; Мальцев 1970].

Если же речь идет о пространстве как о «форме созерцания, восприятия представления вещей, основной фактор высшего, эмпирического опыта» [Никулин 2010], то такая форма может оказаться слабо, а то и вовсе не связанной ни с географическими, ни с какими-либо иными реалиями (как, например, в «Основах геополитики» А. Дугина, не случайно впоследствии для «обнаучивания» подобного рода созерцания им будет введен термин «имажинэр» [Дугин 2011]). Размерность такого пространства будет существенным образом отличаться от размерности пространства физического («объективного мира»), хотя, если речь идет о геополитическом, пусть даже и мыслимом, пространстве, связь систем координат этих двух типов пространств все же должна существовать.

Таким образом, в рамках как «ландшафтного» («хорологического»), так и топологического геополитических подходов трехмерное физическое пространство выступает «местом мест» геополитических структур и процессов, мыслимых в системе координат, «оси» которой оказываются фактически заданными системно-деятельностным подходом и представляют собой отдельные формы (функции) человеческой деятельности (в этом случае, как правило, говорят об экономи-

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

ческом, культурном, политико-правовом и т.п. «измерениях» геополитики и в целом о «многомерности» ее или каких-либо иных феноменов или процессов, например, глобализации). Казалось бы, такой подход позволяет выявлять «пространственные» ресурсы власти, однако речь в этом случае идет о населении и организации не как об универсальных ресурсах «второго рода», а лишь как о получаемых человеком и социальными (политическими) институтами производных от универсального ресурса первого рода — территориального ресурса. В свою очередь и движение этих ресурсов происходит именно и только в трехмерном физическом пространстве, а указанные формы человеческой деятельности, будучи взаимосвязаны, не могут являться «линейно независимыми» элементами (геополитического) пространства и по этой причине не могут рассматриваться в качестве его измерений.

Однако для того, чтобы говорить о размерности геополитического пространства, необходимо найти то, что превращает в него географическую территорию как «эмпирическое выражение абстрактного понятия пространства», или, точнее, то, за счет чего географическая территория становится пространством.

Принципиальной исходной позицией здесь, с нашей точки зрения, является рассмотрение территории именно как объекта и места человеческой деятельности (видами которой являются и политическая, и собственно геополитическая деятельность), но с позиций не системно-деятельного, а социологического подхода. Действительно, деятельность для своего осуществления (реализации) предполагает — требует — установления связей (отношений) человека не только непосредственно с объектом его активности, но и окружающими людьми — именно так возникают отмеченные в «Новой философской энциклопедии» как сам «высший, эмпирический опыт», так и *пространство*, являющееся «формой созерцания, восприятия представления вещей, основным фактором» такового опыта. Иными словами, «то пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным» [Бурдьё 2005, с. 53]. Заметим в этой связи, что косвенным подтверждением правильности направления нашего поиска того, что «спатиализирует» (М. Фуко) территорию — делает ее пространством, — является утверждение такого признанного отечественного теоретика геополитики, как Н.А. Комлева: «Главным объектом изучения для геополитической науки является взаимосвязь пространства и социума» [Комлева 2010, с. 22].

Отсюда наиболее адекватной формой превращения географической территории в геополитическое пространство представляется социальное пространство¹², а наиболее корректным способом его концептуализации — теория динамического

¹² Весьма показательно, на наш взгляд, что для решения проблемы пространственности тот же А. Дугин оказывается вынужденным перейти из собственно геополитической в социологическую область: «Любые социальные структуры включают в себя темпорально-спациальные комплексы и представления, и сами располагаются в контексте темпорально-спациальной топологии. Пространство и время рассматриваются как социальные явления, служащие основой для развертывания конкретных социальных систем, институтов, практик» [Дугин 2011, с. 37].

социального пространства А.Б. Докторовича [Докторович 2008].

Применительно к проблемам определения геополитического пространства, а также его организации (и, соответственно, организации пограничного пространства как его подпространства) принципиальными являются следующие положения:

1. «Социология должна действовать, исходя из того, что человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами, конституированными как таковые в отношении и через отношение с социальным пространством, точнее, с полями. Как тела и биологические индивиды, они [человеческие существа — *примечание переводчика*] помещаются, так же как и предметы, в определенном пространстве... и занимают одно место. Место, *topos* может быть определено абсолютно, как то, где находится агент или предмет, где он «имеет место», существует, короче, как «локализация», или же относительно, релятивно, как позиция, как ранг в порядке. ...

Однако физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство — по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций. Социальные агенты, а также предметы в качестве присвоенных агентами, и, следовательно, конституированные как собственность, помещены в некое место социального пространства, которое может быть охарактеризовано через его релятивную позицию по отношению к другим местам (выше, ниже, между и т. п.) и через дистанцию, отделяющую это место от других...

Структура социального пространства проявляется, таким образом, в самых разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства. В иерархизированном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции в более или менее деформированном и, в особенности, замаскированном виде посредством действия натурализации, вызывающей устойчивое занесение социальных реальностей в физический мир. Различия, произведенные посредством социальной логики, могут, таким образом, казаться рожденными из природы вещей (достаточно подумать об идее «естественных границ»). ...

...социальное деление, объективированное в физическом пространстве... функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура. ...именно посредством такого воплощения в структурах присвоенного физического пространства, глухие приказы социального порядка и призывы к негласному порядку объективной иерархии превращаются в системы предпочтений и в ментальные структуры. Точнее говоря, неощутимое занесение в тело структур социального порядка несомненно осуществляется в значительной степени

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

с помощью перемещения и движения тела, позы и положения тела, которые эти *социальные структуры, конвертированные в пространственные структуры* [разрядка и курсив мои — О.Т.], организуют и социально квалифицируют как подъем или упадок, вход (включение) или выход (исключение), приближение или удаление по отношению к центральному и ценному месту (достаточно подумать о метафоре «очага»...). Я думаю... о всех проявлениях в поведении почтительности и реверансов, которые негласно предписывает простая социальная квалификация в пространстве (почетное место, первенство и т.п.) и любые практические иерархии областей пространства (верхняя часть/нижняя часть, благородная часть/постыдная часть, авансцена/кулисы, фасад/задворки, правая сторона/левая сторона и др.).

Присвоенное пространство есть одно из мест, где власть утверждается и осуществляется... как символическое или незамечаемое насилие: архитектурные пространства, чьи бессловесные приказы адресуются непосредственно к телу, владеют им совершенно так же, как этикет дворцовых обществ... Эти архитектурные пространства несомненно являются наиболее важными составляющими символическости власти, благодаря самой их незаметности... *Социальное пространство, таким образом, вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур* [разрядка и курсив мои — О.Т.]» [Бурдьё 1993];

2. «Под социальным пространством понимается "абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.)" [Бурдьё 2005 б, с. 53], т.е. такое пространство, которое, не будучи физическим, "стремится реализоваться в нём более или менее полно и точно" [Бурдьё 2005 б, с. 53], включая в себя все поля социальных взаимодействий: экономики, культуры, права, науки, информации, религии и другие. Структура социального пространства порождается и изменяется в результате взаимодействий его полей. ...Социальное поле — это социальное подпространство, в котором реализуется один тип или малое число типов социальных взаимодействий и отношений» [Докторович 2008], т.е. относительно автономная система (воспроизводящихся) социальных отношений (см., напр.: [Бурдьё 2005а]).

3. «Пространство (социальное) есть продукт (социальный). Это утверждение кажется близким к тавтологии и, таким образом, почти очевидно. ... пространство, как продукт, служит инструментом как мысли, так и действия, что оно, будучи средством производства, является одновременно средством контроля, а значит господства и власти, но при этом, как таковое, в определенной мере ускользает от тех, кто его использует. ... Является ли это пространство абстрактным? Да, но оно также «реально», как товар и деньги, эти конкретные абстракции. Является ли оно конкретным? Да, но не так, как какой-либо объект или продукт. Инструментально ли оно? Конечно, но как познание, оно выходит за пределы инструментальности. Сводится ли оно к проекции — к «объективации» знания? Да и нет: знание, объективированное в продукте, не тождественно теоретическому познанию. *Пространство содержит социальные отношения* [разрядка и курсив мои — О.Т.]» [Лефевр 2002, с. 27].

Не менее принципиальным представляется введенный М. Фуко термин «*спатIALIZация*» — процесс переведения (воплощения — «опространствления») социальной активности и вещей (материальной культуры) в пространственные формы, приводящий к образованию новых культурных форм разных масштабов и уровней вплоть до геополитических отношений государств (и тем самым объединяющий в себе — в том числе и в рамках единого проблемного поля — вопросы языка, мышления и пространства) (см.: [Фуко 2006 а, ч. 3, с. 191—204; 1999; 2006 б. ч. 3, с. 215—236; 1994]).

Такой подход, **во-первых**, позволяет рассматривать динамические социальные пространства (и собственно социальные поля) как способ непротиворечивого объединения ландшафтной и топологической картины мира — и, соответственно, одноименных подходов к геополитическому анализу, позволяя исследователю легко оперировать обеими категориями, меняя масштаб в зависимости от целей и задач исследования.

Во-вторых, такое понимание пространства и процесса его формирования (спатIALIZации) / трансформации — путем изменения числа (типа, силы) социальных действий, взаимодействий и отношений как субъект-объектных (где объектом выступает тот или иной элемент организации конкретной территории), так и субъект-субъектных (по поводу указанных элементов) — является зримым воплощением тезиса А.М. Молчанова «нынешняя структура есть следствие вчерашней кинетики» [Молчанов 1967]. В этом смысле выводом из теории динамического социального пространства А.Б. Докторовича является утверждение, что в любом (организованном) социальном пространстве в «свернутом» виде присутствуют все как предыдущие (имманентно), так и будущие (имплицитно) социальные процессы.

В то же время используемый Бурдьё термин «ансамбль полей» вносит неопределенность в предложенную им дефиницию самой категории пространства: становится не вполне понятным, о каком именно пространстве идет речь, а значит, какой подход наиболее адекватен для его описания. Заметим также, что сам термин «ансамбль» (по определению, ансамбль есть взаимная согласованность, гармоничное сочетание частей целого¹³) не предполагает возможности конфликтного

¹³ «**Ансамбль**. Согласованность, стройность частей единого целого, а также само такое целое» [Ожегов, Шведова 1992]; «(французское ensemble совокупность, стройное целое), 1) взаимная согласованность, гармоничное сочетание частей, образующих какое либо целое» [Современная энциклопедия 2000].

(порождающего конфликт) взаимодействия полей социального пространства, являясь (в том числе и по этой причине) указанием на парадигму *статических полей и слабодинамического социального пространства* —

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

конструкцию, по справедливому замечанию А.Б. Докторовича, не обладающую большой перспективой развития [Докторович 2008, с. 9]. В значительной степени эти проблемы решает именно теория динамических социальных полей А.Б. Докторовича, делающая очевидным тот факт, что социальные поля и образующие их социальные действия, взаимодействия и отношения есть совокупность элементов, наиболее адекватным инструментом описания которого является теория социального пространства.

Обратимся к полезной аналогии с теорией множеств, имея в виду то, что: 1) в дальнейшем, применяя математическое понятие «множество» к социальному пространству и социальным полям, мы, руководствуясь определением множества по Б. Расселу — «множество есть совокупность различных элементов, мыслимая как единое целое» (см.: [Рассел, Уайтхед 2005]; см. также: [Рассел 1999, Ленг 1968]), будем пользоваться как синонимами терминами «совокупность» и «множество»; 2) принимая синонимичность терминов «совокупность» и «множество», мы расширяем содержание второй из двух названных категорий: понятие «совокупность» как термин теории социального пространства шире понятия «множества» как термина теории множеств и более адекватно описывает социальную (и геополитическую) реальность, поскольку включает связи между элементами — социальными полями, в отличие от теории множеств, таковые связи между элементами множеств не рассматривающей.

Применительно к геополитике как виду деятельности, обеспечивающему «связывание» (т.е. присвоение в «связанной» форме) политически значимых территорий (колонизация, военно-политическое и экономическое принуждение и т.д. и т.п.), можно видеть, что для социальных полей как элементов множества выполняются бинарные операции сложения и умножения, в том числе — как это предполагает теория множеств — и умножения на ноль.

В теории множеств суммой (объединением) множеств называется множество, содержащее в себе все элементы объединяемых множеств. Нулевым множеством называется множество, не содержащее ни одного элемента.

Из сказанного со всей очевидностью следует, что любые формы экспансии представляют собой государственную активность, направленную на объединение («суммирование») территорий в геополитическом пространстве. Примерами таких операций объединения территорий являются любые формы успешной экспансии со стороны государства¹⁴. Операцией

¹⁴ При этом если объединение территорий удовлетворяет требованию коммутативности сложения ($x + y = y + x$ для любых $x, y \in V$, где V — векторное пространство), то объединение полей политики, экономики и, в ряде случаев, права этому требованию как правило не удовлетворяет. Так, например, даже в условиях неагрессивных взаимодействий (по А.Б. Докторовичу) объединение Великого княжества Литовского и Польши Кревской унией, равно как и объединение ФРГ и ГДР существенно различалось соответственно для Вильно и Кракова и Бонна и Берлина.

сложения (объединения) являются и международно-правовые системы, образованные в соответствии с условиями мирных договоров (Вестфальская система, Ялтинско-Потсдамская система), и коалиции и блоки государств, создаваемые для ведения конкретных военных кампаний на нескольких фронтах (например, коалиции Тридцатилетней, Семилетней, I мировой войн).

Операцией же умножения применительно ко множествам выступает пересечение множеств — множество, которому принадлежат те и только те элементы, которые одновременно принадлежат всем данным множествам (см. [Курош 1968; Мальцев 1970]).

В соответствии с данным определением, международные коалиции и блоки второй половины XX — XXI вв., создаваемые как системы коллективной безопасности (прежде всего блок НАТО) являются примером операции умножения в геополитическом пространстве, — поскольку в данном случае имеет место взаимное делегирование странами-участницами ряда своих полномочий (а это и есть «пересечение множеств полномочий стран-участниц»); в то же время для геополитических лидеров подобного рода структур их создание есть операция сложения — форма экспансии.

Операцией умножения в геополитике выступают и кондоминиумы, а также различные формы трансграничных коммуникаций (например, особые экономические зоны, трансграничные агломерации¹⁵ и проч.). К операции умножения можно

¹⁵ Например, Монако — Ментона — Вентимилья (Монако — Франция — Италия), Базель — Юнинг — Вайль-на-Рейне (Швейцария — Франция — Германия) в Европе, Сингапур — Джохор-Бару (Сингапур — Малайзия) в Азии, Нджамена — Куссери (Чад — Камерун) в Африке, Фос-ду-Игуасу — Сьюдад-дель-Эсте (Бразилия — Парагвай) и Детройт — Уинсор (США — Канада) в Америке.

отнести и феномен династического суверенитета (примером чего может служить Северная Франция до Столетней войны, поскольку не только герцогство Аквитанское, но и вся северофранцузская территория де-факто была столь же французской, сколько и английской), в то время как унии (государственные и личные) относятся, скорее, к операции сложения (Кревская уния, Кольмарская уния и проч.). Операцией умножения являются федерации (по крайней мере, те из них, в которых, как в РФ существует институт совместного ведения федерального центра и субъектов федерации), тогда как империи представляют собой пример операции сложения.

Применительно к геополитике для социальных полей как элементов множества можно говорить также и об умножении на ноль (формировании «нулевого множества» социальных полей на какой-либо территории): такой операцией оказываются различного генезиса виды «ничейной территории» (*terra nullis*), линия фронта, точнее, непосредственно линия огня, а также — в полях экономики и права — оффшорные зоны. Очевидно, что операцией «умножения на ноль»

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

стало бы применение ядерного оружия, однако такой же операцией может быть — по крайней мере, на некоторое время в поле экономики — и крупная экологическая катастрофа. В свою очередь утрату геополитическим актором территорий, равно как и различные формы утраты власти можно рассматривать как умножение на отрицательное число.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что совокупность элементов, которыми являются социальные поля, сформированные действиями, взаимодействиями и отношениями, которые можно квалифицировать как геополитические (то есть как направленные на установление власти над территорией и обеспечивающие эту власть), **есть векторное пространство** — пространство, в котором определены операции сложения и умножения. То, что такое пространство является абстракцией, отмечали, как это было показано выше, и П. Бурдьё, и А. Лефевр (у последнего пространство — «конкретная абстракция»). Эта абстракция, указывает о. Павел Флоренский, есть мысленная модель действительности, «вспомогательный прием мышления», позволяющий представить ее (действительности) многообразие [Флоренский 2000].

При этом, как показано А.Б. Докторовичем, сами социальные поля подобны силовым полям. Действительно, силовое поле есть «часть пространства (ограниченная или неограниченная), в каждой точке которой на помещенную туда материальную частицу действует определенная по численной величине и направлению сила, зависящая только от координат... этой точки» [Силовое поле... http://www.femto.com.ua/articles/part_2/3627.html], в то время как «сила есть любой внешний фактор, который вызывает изменение в движении свободного тела или возникновение внутренних напряжений в зафиксированном теле» [Force... <http://web.archive.org/web/20081012110724/http://eobglossary.gsfc.nasa.gov/...=h>], «векторная физическая величина, являющаяся мерой интенсивности воздействия на данное тело других тел, а также полей. ... как векторная величина характеризуется модулем, направлением и «точкой» приложения» [Сила http://ru.wikipedia.org/wiki/...cite_ref-1]. Аналогичным образом «в социологии [и геополитике — О.Т.] под силой социального действия понимается характеристика, оценивающая воздействие одного агента на другого или на социальный процесс. Эта характеристика сопоставляет и соразмеряет силу действия каждого из взаимодействующих агентов либо силу воздействия каждого из них на анализируемый процесс. В некоторых ситуациях может рассматриваться не сила, а интенсивность социального действия» [Докторович 2010, с. 59]. В этом смысле социальное (и, тем более, геополитическое) пространство есть «...поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлеченным в данное поле,... поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от позиции в структуре поля сил» (цит. по: [Шматко 2009]).

Итак, теория множеств и теория динамического социального пространства А.Б. Докторовича позволяют определить и геополитическое пространство как подпространство социального:

геополитическое пространство есть множество, образованное элементами — социальными полями политики, экономики, культуры, права, образования, науки, информации, религии и др. (совокупность социальных полей), взаимодействие которых обеспечивает возможность присвоения / утраты территорий и структурных элементов территориальной организации в результате установления / утраты власти над ними — прямой / непосредственной (управление) и потенциальной / опосредованной (контроль).

При таком подходе:

1) **пограничным пространством государства (региона, макрорегиона) является множество элементов — соответствующих социальных полей (совокупность полей), взаимодействие которых определяет и маркирует легитимизированный территориальный предел (границу) возможности того или иного актора устанавливать над территориями и элементами их организации прямую / непосредственную власть (осуществлять управление территориями)**¹⁶.

¹⁶ **Пограничной сферой** при таком подходе является совокупность указанных социальных полей и спатIALIZED территорий, а также семантических полей («пространства смыслов»), в которых опредмечиваются и концептуализируются пограничные действия, взаимодействия и отношения.

Представляется, что именно при такой трактовке пограничного пространства может быть адекватно понят тезис Н.А. Комлевой «в рамках постклассической геополитической парадигмы [государственную] границу можно обозначить как предел допустимого проникновения во все виды пространств [а точнее — во все виды полей — О.Т.] некоего актора государственной или негосударственной природы» [Комлева Н.А. 2010, с. 22]. Заметим в этой связи, что такое уточнение концептуализации как собственно пограничной деятельности, так и управления (приграничными) территориями позволяет выявить и реальную степень властного присутствия центра на пограничной периферии, и те возможные будущие угрозы пограничному пространству, которые возникают на значительном удалении от него, — в отличие от существующих определений, рамки которых строго привязывали военно-политические, социально-экономические, культурные и информационные процессы и явления (и, соответственно, угрозы) именно и только к государственной границе — сначала к линии, а затем к приграничным территориям той или иной глубины¹⁷.

¹⁷ При таком подходе отличие пограничного пространства от пограничной сферы, на наш взгляд, заключается

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

в том числе и в территориальной локализации и социальных позициях акторов (социальных агентов), принимающих управленческие решения. Так, в случае пограничного пространства мы будем иметь дело с приграничными регионами (административно-территориальными единицами) и более или менее строго проецирующимися на них соответствующими полями — и со всей территорией государства и всеми соответствующими полями в случае пограничной сферы.

Заметим также, что пограничное пространство как множество элементов — социальных полей, для которых выполняются те же действия сложения и умножения, также есть векторное пространство — подпространство геополитического пространства и, одновременно, «форма восприятия представления вещей, основной фактор высшего, эмпирического опыта»;

2) целесообразным представляется выделение *приграничных и пограничных* ТВД.

Приграничными являются ТВД, локализующиеся непосредственно на приграничных территориях государства; *пограничными* же ТВД являются территории и спатиализирующие их социальные поля, в пределах которых разворачивается противоборство (конкуренция) двух или более акторов за возможность присвоения приграничных территорий и элементов их организации путем установления над ними как минимум опосредованной власти. Таким образом, пограничные ТВД могут не локализовываться на приграничных территориях государства (и даже находиться на значительном удалении от государственной границы и приграничных административно-территориальных единиц), однако именно такие ТВД в ряде случаев оказываются ключевыми в вопросе о властном присутствии центра на пограничной периферии и, в пределах, о ее государственной принадлежности (примером чего могут служить Ставропольский край и Республика Адыгея);

3) организация геополитического пространства может быть определена как **а)** форма включения территории (как основного универсального ресурса) в соответствующие поля социального пространства (форма спатиализации территории), **б)** (целенаправленное) изменение структуры соответствующих полей вследствие или в интересах такого включения. Под формами включения территории в соответствующие поля социального пространства могут пониматься: **а)** властные и управленческие практики (политические режимы, формы правления, административно-территориальное устройство), **б)** структурное развитие территории (экономическое районирование, архитектура экономических кластеров); **в)** различные виды инфраструктурного оформления (от опорного каркаса территории до правовой инфраструктуры). Результатом организации геополитического пространства в социальном пространстве является изменение статуса территорий в соответствующих полях — именно так появляются мировые центры, периферии и полупериферии (И. Валлерстайн), при этом под мир-системой (мир-системами) можно понимать взаимодействие геополитического и социального пространства в полях экономики и политики в их территориальной проекции на системы коммуникаций;

4) инфраструктурной организацией геополитического пространства и пограничного пространства как его сегмента (подпространства) является: а) структура соответствующих глобальных (в случае всего геополитического пространства) и локальных (в случае пограничного пространства) социальных полей, обеспечивающая установление власти над территорией за счет расположенных на ней видов и систем инфраструктуры (в случае правовой инфраструктуры — совокупность и иерархия нормативно-правовых актов, регулирующих властные полномочия в отношении территории); б) (целенаправленный) процесс изменения структуры соответствующих глобальных и локальных социальных полей и (или) изменение типа их взаимодействия вследствие или в интересах создания и развития элементов (сетей) инфраструктуры на той или иной территории в интересах установления власти над ней;

5) ресурсом власти являются собственно социальные поля, а именно образующие их социальные действия, взаимодействия и отношения. Отсюда можно говорить, как мы это уже делали ранее [Тынянова 2010 в], о главном различии классических и «постклассических» войн: если в «классических» войнах завоевание социального пространства было следствием завоевания территории, то в «постклассических», прежде всего информационных, войнах завоевание территории является следствием завоевания социального пространства [Тынянова 2010 в, с. 50].

В-третьих, на базе такого понимания пространства и его импликаций (А. Лефевр) становится возможной трактовка категории «силы пространства» (и по Аристотелю, и по Ратцелю): можно предположить, что сила социальных действий, взаимодействий и отношений будет различной и в местах, и в отношении мест, называемым Фуко «гетеротопиями» (ландшафтах-«хоросах», в терминологии Гумбольдта — Риттера — Геттнера), т.е. в местах и в отношении мест, которые сами соотносятся с другими особым образом, «приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются» [Фуко 2006 а, с. 195], то есть, будучи связанными со всеми остальными социальными пространствами (и — в качестве своих территориальных проекций — со всей территорией земного шара), в то же самое время являются инаковыми. В этом смысле подобного рода «геополитическими гетеротопиями» можно считать и государства / регионы, на территории которых расположены месторождения ископаемых ресурсов, и крупные коммуникационные узлы, основными ресурсам которых являются как раз сами коммуникации (т.е. доступность всех универсальных ресурсов), и площади «цветных» и подобных им революций, на которых формируются будущие структуры для перераспределения ресурсов.

Из того же понимания пространства и его импликаций, прежде всего как вместительности и «знания, объективированного

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

в продукте», и теоретического познания, а также из того, что «любое общество может быть представлено в качестве многоканальной системы коммуникативных связей и отношений. Сквозь призму коммуникативных отношений могут быть рассмотрены ... любая общественная или политическая структуры. Точно так же система межгосударственных отношений может быть проанализирована сквозь призму коммуникативных связей и отношений, разноуровневых и многоканальных» [Сорина 2009, с. 44], следует наличие еще одного вида универсальных ресурсов.

Универсальным ресурсом третьего порядка является информация, под каковой следует «понимать не любые сообщения, передаваемые в системе связи, а лишь те, которые уменьшают неопределенность у получателя информации» [Демин 2007, с. 24].

Не имея возможности в рамках одной статьи подробно рассмотреть данный вид ресурса — тем более, что и само понятие информации на сегодняшний день не имеет единого строгого определения, — ограничимся лишь двумя тезисами.

Во-первых, соглашаясь с утверждением Г.В. Сориной о возможности рассматривать социальные поля как многоканальную систему коммуникативных связей (где каналами являются собственно социальные взаимодействия и отношения), согласимся также и с мнением А. Лефевра о том, что социальное пространство не напрямую детерминировано экономическими отношениями, а формируется при помощи «посредников», в число которых помимо действий социальных групп входят также факторы знания, идеологии, репрезентации [Лефевр 2010], т.е. факторы информационные. Таким образом, социальное пространство (и — в качестве его подпространства — геополитическое пространство) содержит в себе не только разнообразные природные и социальные объекты, систему отношений между ними, в том числе систему общественного воспроизводства [Лефевр 2010], но и семантические поля как «совокупность слов и выражений, образующих тематический ряд и покрывающих определенную область значений» [Розенталь, Теленкова 1976], «множество слов, точнее — их значений, связанных с одним и тем же фрагментом действительности» [Маслов 1987, с. 96], за счет которых и обеспечивается адекватная передача сообщений в системе связи (одинаковое понимание сообщения независимо от типа такового, что также может рассматриваться в качестве ресурса власти).

Сказанное хорошо коррелирует с концепцией идеологического пространства и идеологической границы Н.А. Комлевой: «...идеологическое пространство определенного общества представляет собой систему ментальных ценностей данного общества. Эта система частично оформлена теоретически, концептуально, а частично существует в «дисперсной» форме внешне разрозненных, несистемных ценностей массового сознания. ... В таком случае идеологическая граница общества — это степень допустимого проникновения в его идеологическое пространство. Допустимым же проникновением является воздействие на массовое сознание данного общества оформленных теоретических концептов или дисперсных форм ценностей другого общества, не разрушающее существующую в данном обществе систему ментальных ценностей» [Комлева 2010, с. 23–24]. Представляется, однако, что при высоком уровне инфраструктурной организации геополитического пространства (особенно при опережающем развитии сетей различных видов связи по отношению к прочей социальной инфраструктуре) различие возможностей осуществления панельного (сплошного) геополитического контроля в географическом и информационном пространствах, о которых Н.А. Комлева говорит далее, отнюдь не столь велико.

Во-вторых, на наш взгляд, из сказанного выше, а также из того, что, согласно Фуко, социальные отношения, которые уже самим наличием гетеротопий «обозначаются, отражаются или рефлектируются», следует, что именно в способах (точнее, формах) обозначения, отражения и рефлексирования и следует искать «систему координат» (метрику) и социального пространства в целом, и геополитического пространства в частности.

Сразу же оговорим, что, по всей вероятности, речь может идти только об относительной системе координат: во-первых, любая система координат всегда относительна (даже при фиксированном наборе базисных векторов она зависит от выбора начала координат, а этот выбор всегда остаётся за нами), во-вторых, поскольку минимальное количество «начал систем координат» в социальном поле мы будем иметь такое же количество, сколько и акторов, каждый из которых помимо как таковой потребности в ресурсах будет иметь еще и *собственные представления о характере этой потребности, об очередности ее удовлетворения, о возможностях и собственной готовности эту потребность удовлетворить, выраженные в категориях языка (семантических категориях)*. Именно эти представления, облеченные в языковые (семантические) формы, и будут для социальных агентов в целом и геополитических акторов в частности являться той системой координат, в которой квалифицируются социальные (и геополитические) явления и процессы — не случайно А.А. Богданов называет слово «первым орудием организации:

«Посредством слова организуется всякое сознательное сотрудничество людей: призыв к работе, в виде просьбы или приказа объединяющий сотрудников; распределение между ними роли в труде; указание последовательности и связи их действий, ободрение к работе, концентрирующее их силы; предостережение там, где начинается несогласованность; остановка работы, перегруппировка, перемена направления усилий — все это выполняется в словесной форме. Гигантские коллективы создаются силою слова, гигантские коллективы управляются ею. Люди XX века видели, как властное слово ничтожнейшей личности направляло миллионы людей в невиданный ад железа и динамита, на убийство и гибель. Недаром древнее мышление, глубокое в своей наивности, породило миф о сотворении мира словом, верило в безграничную власть слова над стихиями: воды и горы, бури и грозы, болезни и смерть должны были повиноваться тому, кто знал и произносил надлежащее слово... Организующая сила орудия была фетишизирована и обобщена на весь мир; но она не

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

ускользала от примитивного сознания, как большей частью ускользает от современного. ... Нередко слово сохраняет организационную идею там, где раздробленное мышление личности уже совершенно утратило ее» [Богданов 1921].

Двумя другими «орудиями организации» Богданов считает идеи и социальные нормы, описывая их как прежде всего семантические формы, — не случайно «общенародный язык» назван в цитируемой работе основным хранилищем организационный методов.

Таким образом, можно предположить, что «базисом» организованного пространства человеческой деятельности, **линейно независимыми элементами, количество которых определяет размерность социального пространства, являются модальности как категории, характеризующие способ действия или отношение к действию** [Википедия http://ru.wikipedia.org/wiki_Модальность], **как способы существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления или же способ понимания, суждения об объекте, явлении или событии** [БСЭ <http://bse.sci-lib.com/article077378.html>].

Логично предположить, что **социальное пространство будет иметь максимальное число размерностей, поскольку его поля (социальные действия, взаимодействия и отношения) могут описываться с использованием всех существующих типов модальностей** — алетических (и логических, и фактических), деонтических, аксиологических, эпистемических, темпоральных, пространственных. Таким образом, мы имеем дело с 7-мерным социальным пространством, в которое оказывается «вписанным» физический пространственно-временной континуум, однако в социальном пространстве 4 координаты континуума выражены всего двумя модальностями — темпоральной и пространственной (что в условиях жестких требований социальных позиций, выраженных в деонтических и аксиологических модальностях, — «диктата социального» как диктата деонтологии и аксиологии — не в последнюю очередь является причиной снижения уровня восприятия социальным пространством и его агентами реального масштаба своей зависимости от «первой природы»).

Что касается геополитического пространства, то в качестве подпространства социального оно имеет меньшую размерность: до недавнего времени, а именно, до включения в ансамбль социальных полей, взаимодействие которых обеспечивает возможность установления власти над территориями, полей образования, науки и информации, размерность геополитического пространства определялась пятью модальностями — пространственными (там, здесь, нигде), темпоральными (прошлое, настоящее, будущее), фактическими алетическими (необходимо, возможно, случайно), деонтическими (обязательно, разрешено, запрещено) и аксиологическими (хорошо, нейтрально, плохо). С включением во второй половине XX в. поля информации в геополитическое пространство его размерность увеличилась: пространство стало 6-мерным за счет эпистемических модальностей (знание, полагание, незнание), а с включением (на рубеже XX—XXI вв.) полей образования, науки и, тем самым, логические алетические модальности, — 7-мерным, фактически «заняв» собой (если не «поглотив») все социальное пространство.

Заметим, что увеличение метрики геополитического пространства само по себе является индикатором изменения глобальных социальных полей — в свою очередь очевидным представляется, что индикатором геополитического процесса будет существенное изменение частоты употребления модальностей, в первую очередь пространственных, темпоральных и деонтических. Весьма ярким примером здесь является существенное увеличение количества высказываний типа *«Территория N ("там" / "здесь") всегда / никогда / когда-то принадлежала нам / не принадлежала "им", и потому мы / они должны...»* на страницах центральных СМИ будущих противоборствующих сторон в периоды, предшествовавшие и русско-японской, и I мировой, и советско-финской войнам.. С формированием «общества знания» и превращения его в театр информационной войны конструкции приобрели вид: *«Известно / установлено, что вещество / технология производства N наносят невосполнимый ущерб ("плохи") / способствуют восстановлению ("хороши") территории NN / экологии планеты ("здесь" / "езде"), из чего логически следует необходимость изъятия их из практики / введения их в практику, и мы / они должны...»*¹⁸.

¹⁸ Представляется, что подобный подход открывает широкие возможности количественной оценки («измерения») состояния геополитического пространства. В этой связи отметим, что, с одной стороны, как справедливо утверждает М.Я. Сараф, «измерение в социально-гуманитарных науках имеет несколько иное содержание, чем в науках естественных. Во-первых, здесь не всегда можно с достаточной ясностью указать единицу измерения, и почти никогда — мерительный эталон. Во-вторых, важнейшая процедура измерения, в которой определяется отношение измеряемого объекта к некоторому однородному показателю, вследствие нечеткости или отсутствия количественных характеристик, возможна только как некоторое сопоставление качественных объектов. В-третьих, измерение, насколько оно возможно, целиком зависит от исходных философско-методологических принципов и, соответственно, от употребляемой системы понятий, моделирующей и выражающей предмет социально-гуманитарного знания. Поэтому, говоря об измерении культурного пространства, мы будем иметь в виду, прежде всего, этот третий аспект, расширяя его по возможности применяемыми в культурологических исследованиях количественными методами. Следует учитывать, однако, что такого рода измерения неизбежно носят синтетический характер, то есть выражают культурное пространство через пространство социальное, а социальное — через культурное» [Сараф 2013, с. 59]. Тем не менее, представляется, что, во-первых, как минимум применительно к геополитическому (и, возможно, в целом к социальному) пространству измерение зависит от постановки исследовательской задачи. Во-вторых, выбор модальностей в качестве базиса (системы координат) обеспечивает

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

искомую однородность показателя (готовности к социальным действиям, взаимодействиям и отношениям, а также оценки таковых действий, взаимодействий и отношений действующим субъектом) — ту однородность, которую «по определению» не могут обеспечить измерения в системе функций (видов деятельности). В-третьих, мы полагаем корректным измерять в названной системе координат состояния геополитического пространства (с построением его «профилей») предварительно присвоить фиксированное количество баллов частоте употребления различных модальностей (и их комбинаций) — которые являются элементами данного векторного пространства. В этом случае каждому уровню (количеству баллов) соответствовало бы то или иное состояние геополитического пространства в категориях выбранной исследовательской цели (в частности, аналогичный подход был успешно применен А. Поповой при моделировании геокриологической обстановки — см. [Попова 2012]). Заметим в этой связи, что одной из важнейших комбинаций модальностей (векторов) является, на наш взгляд, вектор, задаваемый параметрами пространственных, темпоральных и эпистемологических модальностей, значениями которых описываются в том числе и знания о физическом пространстве как объекте управления и о тех физических (геологических, биологических) законах, незнание которых может обернуться не только экономическим, но и геополитическим провалом (не случайно В.Н. Лексин отмечает, что управление даже самой крупной ТНК выглядит делом значительно более простым, нежели управление даже небольшим административно-территориальным образованием — см.: [Лексин 2010]).

При этом одним из эффектов информационной глобализации стало фактическое исчезновение из пространственных модальностей формы «там», превратившейся в «здесь», которое, в свою очередь, в ряде случаев приобретает смысл «везде».

Заметим также, что стремление превратить контроль над территориями в прямое управление ими есть не что иное, как уменьшение степеней свободы для как можно большего количества групп населения данной территории в как можно большем количестве полей, что означает и уменьшение (для них) мерности пространства. В этом смысле «идеальное» демократическое общество оказывается практически не отличимым от «идеального» тоталитарного общества — не только в силу существования в нем самом низкостатусных более или менее контролируемых территорий (от государств, недавно вошедших в состав «статусных» блоков и коалиций, до районов проживания неассимилированных мигрантов), но прежде всего в силу переноса жесткого «деонтического и аксиологического контроля» из сферы территориального в сферу пространственного: даже в «идеальном» тоталитарном обществе существует свобода от статуса социальных позиций (таковые в данном обществе строго закреплены за ступенями иерархии государственной власти, т.е. социальная позиция по умолчанию есть позиция только в поле политики) — свобода, которой лишены «идеальные» демократические общества, в которых устанавливается тотальный диктат таковых статусов позиций в каждом социальном поле, а не только в поле политики.

Следует отметить, что модальности (прежде всего аксиологические, деонтические и алетические — фактические и логические) и их комбинации весьма адекватно описывают такие «пространственные» (в лейбницевском понимании пространства) характеристики социальных позиций / статусов акторов, как различные взаимные расположения («выше» — «ниже»), отношения близости — дальности, а также понятие направления («от» — «к»). При этом именно системе координат, образованной модальностями, пространство оказывается одновременно и структурой — векторным пространством, и «формой созерцания, восприятия представления вещей, основным фактором высшего, эмпирического опыта» [Никулин 2010].

Здесь представляется показательным, что вопросы изменения размерности базиса (системы координат) наиболее подробно были разработаны все же не культурологами (хотя М. Фуко ввел удобный, «интуитивно понятный», в том числе и с точки зрения геополитики, термин «спатиализация»), а математиками, специалистами в области теории множеств, прежде всего группой Бурбаки и В.И. Арнольдом (см., напр.: [Nicolas Bourbaki 1955–1966; Арнольд 1990]), и именно их идеи в большем или меньшем объеме «диффундировали» в гуманитарную сферу. Так, в частности, согласно одному из положений современной теории катастроф (по Арнольду), грозящую катастрофу можно предотвратить, увеличив размерность пространства событий хотя бы на единицу. Применительно к геополитическому (и собственно политическому) пространству можно говорить, по-видимому, и об увеличении хотя бы на единицу числа социальных полей, рассматриваемых в этом случае как поля геополитических (политических) событий. Именно так, в частности, выглядело введение христианства в Армению: «...смена государственной религии в Армении как раз и означает введение новой, еще одной, координаты пространства событий — “религиозной” координаты [поля религии — О.Т.]. В данном случае появление дополнительной (“религиозной”) координаты увеличивает размерность пространства событий, расстановка сил (“фазовая картина”) в этом пространстве резко меняется — и катастрофы удается избежать» [Геворкян 2012, с. 143]¹⁹.

¹⁹ Применительно к «базису модальностей», т.е. к системе координат, образованной модальностями, речь идет прежде всего о введении дополнительных — алетических (и логических, и фактических) — модальностей в описание реальности: принятие христианства позволило говорить о *возможном и невозможном и, следовательно, о «другом» (по отношению к системе координат победителя) должном, т.е. о том, о чем покоренному народу в деонтологии победителя не то что делать — даже говорить (и думать) не полагалось.*

В противоположность сказанному, завоевание социального пространства (с целью завоевания территории) осуществляется за счет разрушения отдельных социальных полей путем направленного сокращения разнообразия как образующих разрушаемое поле действий, взаимодействий и отношений (что и отражает сокращение количества типов модальностей), так и взаимодействий самого данного поля с другими полями. Пространственным результатом данного процесса будет «фе-

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

одализация»²⁰, а территориальным — регионализация и кластеризация, иными словами, «деспатизация» пространства

²⁰ «Феодализация — ...установившийся термин для обозначения...частных процессов, посредством которых разные учреждения, отношения и стороны жизни проникаются началами феодализма. В этом смысле речь может идти о Ф. королевской власти, церкви, права, землевладения и т.п. Обратный процесс освобождения от феодальных начал есть дефеодализация» [*Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1890—1907*].

превращает его не в территорию, а в локальные иерархии мест.

В свою очередь, в «системы координат» социального и геополитического пространств, «осями» которой являются модальности, геополитическую реальность становится возможным «расколдовывать» (в том смысле, какое вкладывал в это слово М. Вебер), прежде всего в вопросах, касающихся целеполагания (геостратегии): постмодернистская «ненаправленность перемен» (Н. Сперанская) оказывается всегда имеющей как минимум два вектора-направления — пространственный (наблюдение — участие — контроль — управление) и собственно территориальный (экспансия)²¹.

²¹ По этой причине исчезновение из СМИ упоминаний о той или иной территории может служить индикатором принятия относительно нее геополитического решения (как это было, например, перед вводом советских войск в Афганистан).

Поскольку же речь в этом случае идет о двух (и более) геополитических акторах, их, как минимум, нейтрально-агрессивные, а чаще взаимно-агрессивные, в терминологии А.Б. Докторовича [*Докторович 2011, с. 51*], взаимодействия и отношения (о чем свидетельствует уже сама семантика термина «экспансия»), предполагают наличие полноценного ТВД, то есть и «фронта» (линии-границы, «передовой» геополитического противоборства), и пограничного пространства — как в переносном, метафорическом, так и в прямом смысле этого слова, поскольку любая экспансия, даже начатая в полях социального пространства, имеет своей конечной целью именно территориальный захват, который осуществляется традиционным образом — установлением контроля над приграничными территориями объекта экспансии, особенно если его географические размеры значительны («Большую империю, как и большой пирог, легче всего уменьшить, обламывая по краям, — писал Б. Франклин в «Правилах, преподанных министру при вступлении его в должность» — цит. по: [*Фомин и др. 2008, с. 21*]).

Развертывание, таким образом, как в точечном, так и в панельном формате обоих — и пространственного, и территориального — векторов предполагает наличие в пограничном пространстве, во-первых, «опорных пунктов» — сегментов как социального пространства, так и территории, — с которых будет осуществляться установление власти над той или иной частью геополитического пространства, и, во-вторых, соответствующей организации и пространства, и территории существующих и потенциальных театров.

Эволюция инфраструктурной организации российских приграничных ТВД

Итак, говоря и о пограничном пространстве, и о приграничных ТВД, мы, по существу подразумеваем:

- социальные поля, образуемые социальными действиями, взаимодействиями и отношениями;
- территории, в пределах, в отношении и по поводу которых эти действия, взаимодействия и отношения реализуются;
- формы организации пространства и территории:
 - а) социальные институты как формы пространственной организации
 - б) объекты инфраструктуры как формы территориальной организации.

Соответственно, и у инфраструктурной организации — в обоих смыслах данного слова — также будет иметься две стороны: территориальная и пространственная. Однако если понимание инфраструктурной организации ограничивается «внутренней упорядоченностью, согласованностью, взаимодействием более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленных его строением», то под эволюцией инфраструктурной организации приграничных ТВД подразумеваются различная на различных этапах степень развитости территориальных инфраструктурных сетей, их технические и технологические возможности обеспечивать такую связность пространства и такой тип коммуникаций, которые были бы необходимы и достаточны для парирования возникающих на приграничных территориях угроз. Данный аспект имеет обширную научную библиографию начиная со второй половины XIX в. (см. библиографический список в: [*Яковлев В.В 1931*]) и до изданий расформированной в конце XX в. Военно-инженерной академии им. В. Куйбышева.

Но если речь идет об организации приграничных ТВД как о «совокупности процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого», то под эволюцией инфраструктурной организации приграничных ТВД будут пониматься уже этапы спатииализации инфраструктурно организованных (в первом смысле этого слова) территорий («размещения» социального пространства на физическом пространстве приграничных территорий), т.е. уровни развитости и взаимодействия соответствующих «инфраструктурно заданных» полей пограничного пространства, обеспечивающие (или не обеспечивающие) центру возможность сохранения в своем распоряжении всех типов универсальных ресурсов. Представляется, что уже сам процесс такой спатииализации является конфликтогенным (если не собственно конфликтным) и ресурсоемким даже при взаимно поддерживающих взаимодействиях и отношениях сопредельных государств: как справедливо указывает П. Бурдые, «на самом деле социальное пространство стремится

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью искоренения или депортации некоторых людей — операций неизбежно очень дорогостоящих» [Бурдьё 1993].

Поскольку же речь идет именно о *театрах военных действий*, то есть о пограничном пространстве как объекте в лучшем случае геополитической конкуренции, но в любом случае об агрессивных взаимодействиях и отношениях, т.е. о взаимодействиях и отношениях, мотивирующих противодействие, конфликт, нацеленных на подавление или уничтожение [Докторович 2011, с. 51], эволюцию инфраструктурной организации приграничных ТВД следует рассматривать в контексте и в непосредственной связи с эволюцией войны (относя к последней и такой элемент «холодной войны», успешно реализовавшийся задолго до появления данного термина, как дипломатическая борьба).

И здесь мы обнаруживаем — если говорить в самом общем виде — два подхода к проблеме эволюции войны, в данном случае не как феномена, а именно и только как старейшей и главной геополитической технологии, а еще точнее, два взгляда на понимание пространственного и территориального в войне.

Суть первого подхода наиболее полно отражает приведенная выше цитата из труда Е. Месснера: война эволюционирует в направлении «линия — плоскость — физическое трехмерное пространство — психологическое пространство». Суть второго подхода иллюстрирует вывод С. Лурье и Л. Казаряна, сделанный ими на основании анализа геополитического соперничества Российской и Британской империй в т.н. «Восточном вопросе» [Лурье, Казарян 1994]: развитие борьбы России с ее главным (и остающимся таковым) геополитическим конкурентом имело три последовательные (эволюционные) фазы — фронтальную (т.е., в интерпретации исследователей, фазу разворачивания конфликта, в т.ч. и военного, на всей площади), линейную и очаговую. Представляется, что первый подход можно считать отражающим пространственные реалии, в то время как второй — реалии территориальные. Между тем увлечение образом «шахматной доски» (которое не скрывали в своей работе упомянутые исследователи и которое отчетливо прослеживается в современном геополитическом дискурсе) оказывается, на наш взгляд, причиной существенной методологической (и, шире, гносеологической) ошибки: утверждая, что «разметка» геополитического поля складывается из функциональной нагрузки различных территорий в процессе их взаимодействия и международных политико-правовых принципов оформления их статуса», даже оговаривая, что «когда «разметка» геополитического поля понятна всем соперникам, можно считать, что, придавая тем или иным областям то или иное функционально-игровое значение, они следуют... особой логике геополитического взаимодействия» [Лурье, Казарян 1994], авторы цитируемой работы (и сторонники аналогичного подхода) смотрят на плоскость («шахматную доску»), а не на социальное пространство, в котором-то и формируются и функции (функциональная нагрузка) территорий, и их «функционально-игровое значение», и логика (и язык) геополитического взаимодействия.

В то же время, разделяя первый, «месснеровский», взгляд на эволюцию войны, мы придерживаемся методологической установки С.Н. Гринченко: сложная система, являющаяся продуктом человеческой деятельности (и, в этом качестве, результатом активности «системы Человечества» [так у С.Н. Гринченко — О.Т.]), «представляет собой совокупность нескольких последовательно формирующихся (в ходе ее исторического развития) иерархических подсистем с возрастающим числом составляющих их ярусов, которые перманентно коэволюционируют между собой» [Гринченко 2007; Гринченко, Щапова 2010]. Отсюда, полагая, что эволюция инфраструктурного оформления российских приграничных ТВД происходила в направлении от локально-линейной к линейно-пространственной и далее к собственно пространственной организации, мы считаем допустимым говорить о многоуровневой системе, в которой наряду с сохраняющимися «традиционными» элементами военно-инженерной инфраструктуры значение «стратегических объектов двойного назначения» приобретают практически все элементы инфраструктурной организации приграничных территорий, в то время как основную функциональную нагрузку несут детерминированные этой инфраструктурой социальные поля.

Остановимся кратко на отдельных особенностях выделяемых нами этапах, имея в виду тесную взаимосвязь территориального и пространственного в инфраструктурной организации приграничных ТВД.

Локально-линейный этап: валы и засечные черты (пограничные укрепленные линии), крепости. Весьма показательным является осуществленный К. Клаузевицем анализ организующей и даже связывающей территорию роли военных крепостей, на основании которого последние рассматривались не только как замки в собственном смысле этого слова, но и как «обеспеченные склады, обеспечение крупных городов, тактические и этапные опорные пункты и пункты для обороны рек и гор», как «убежище для слабых и разбитых отрядов, щит против неприятельского наступления, прикрытие растянутого квартирного расположения и не занятой войсками области», а также как «центры вооружения народных масс» [Клаузевиц 1934, с. 325–336]. Данный подход также вполне соответствует просуществовавшему вплоть до второй половины XX в. представлениям об инфраструктурной проницаемости и глубинности пограничного пространства как о показателях возможностей «сосредоточения сил в пространстве и во времени» (К. Клаузевиц) в целях установления контроля / управления над приграничными театрами. При этом для продолжавшегося до начала строительства Транссиба (1891) периода локально-линейной организации приграничных ТВД инфраструктурное оформление собственных театров при всей протяженности военно-инженерных сооружений являлось для России формой реагирования на внешние угрозы и изначально не носило стратегического характера, хотя впоследствии могло его приобретать.

В то же время нельзя переоценить «пространствообразующую» роль локально-линейного этапа организации россий-

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
 ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

ских приграничных ТВД. Так, хорошо известен и подробно описан (см., напр.: [Яковлев А. 1916; Лаппо 1997; Градостроительство Московского государства XVI — XVII веков... 1994]) феномен превращения крепостей засечных черт в города (и, тем самым, формирования соответствующих полей пограничного пространства России).

Градообразующим фактором военно-инженерная инфраструктура становится с конца XV в., начиная с которого укрепленные линии, представшие собой цепочки городов-крепостей и менее значительных укреплений и выполнявшие две основные функции — военно-оборонительную и хозяйственную, — начинают играть существеннейшую роль в закреплении новых территорий в составе Русского государства и в их хозяйственном и культурном освоении (формировании полей политики, права, экономики и религии).

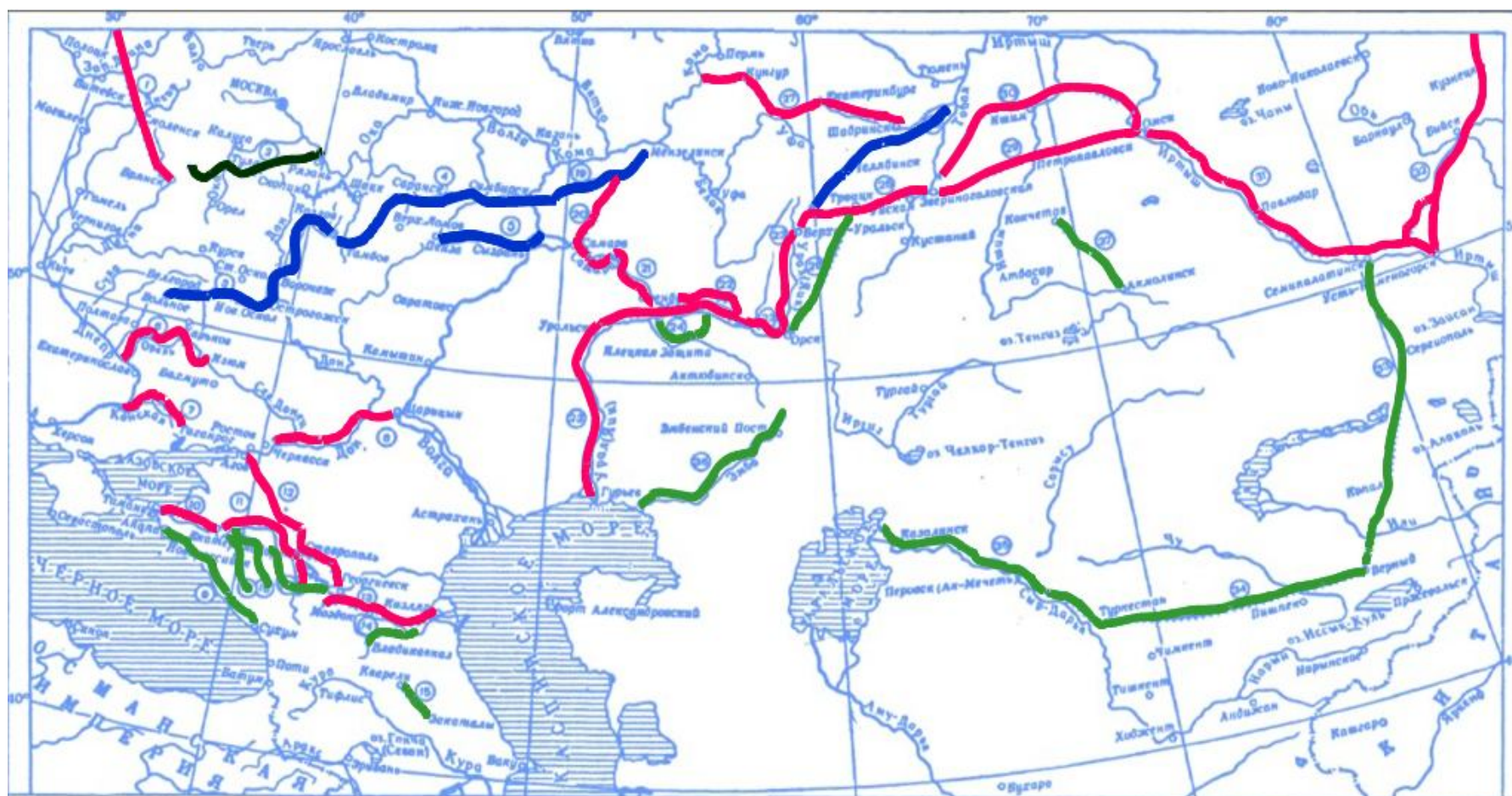

Рис. 1. Пограничные засечные черты и укрепленные линии XVI—XIX вв. как элемент военно-инженерной и социальной инфраструктуры [Максаковский 1999; Клементьев 2002]. Черная линия — Большая засечная черта (XVI в.), синие линии — засечные черты XVII в., малиновым и зеленым цветом обозначены пограничные укрепленные линии соответственно XVIII и XIX вв.

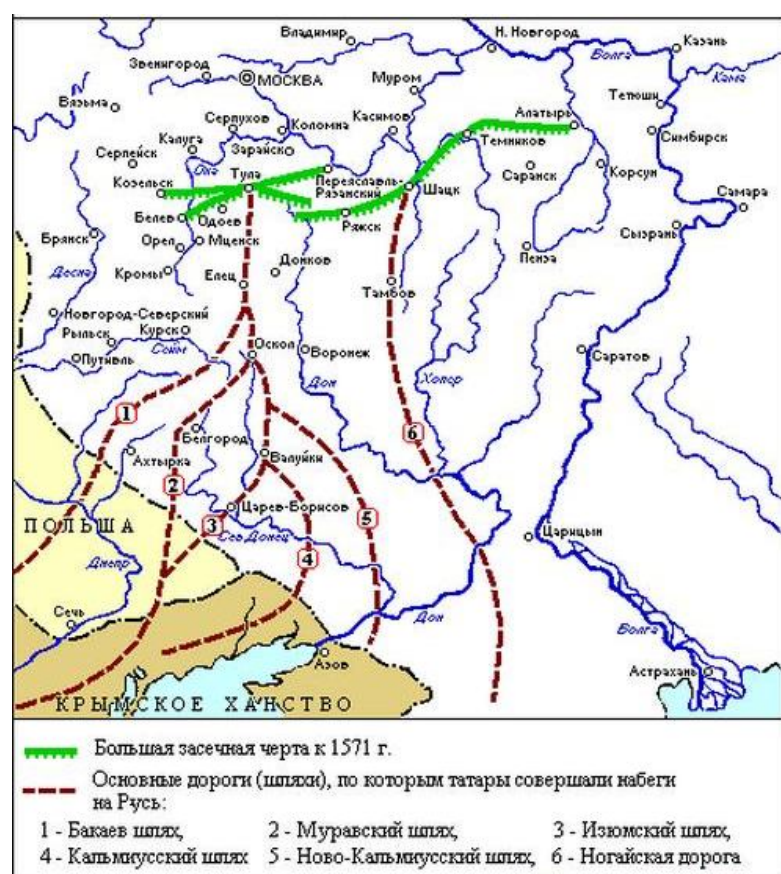

Рис. 2. Большая засечная черта на южном направлении. С сайта http://prilepskie.org/files/userfiles/user_3/Zasechnie%20cherti_7.JPG

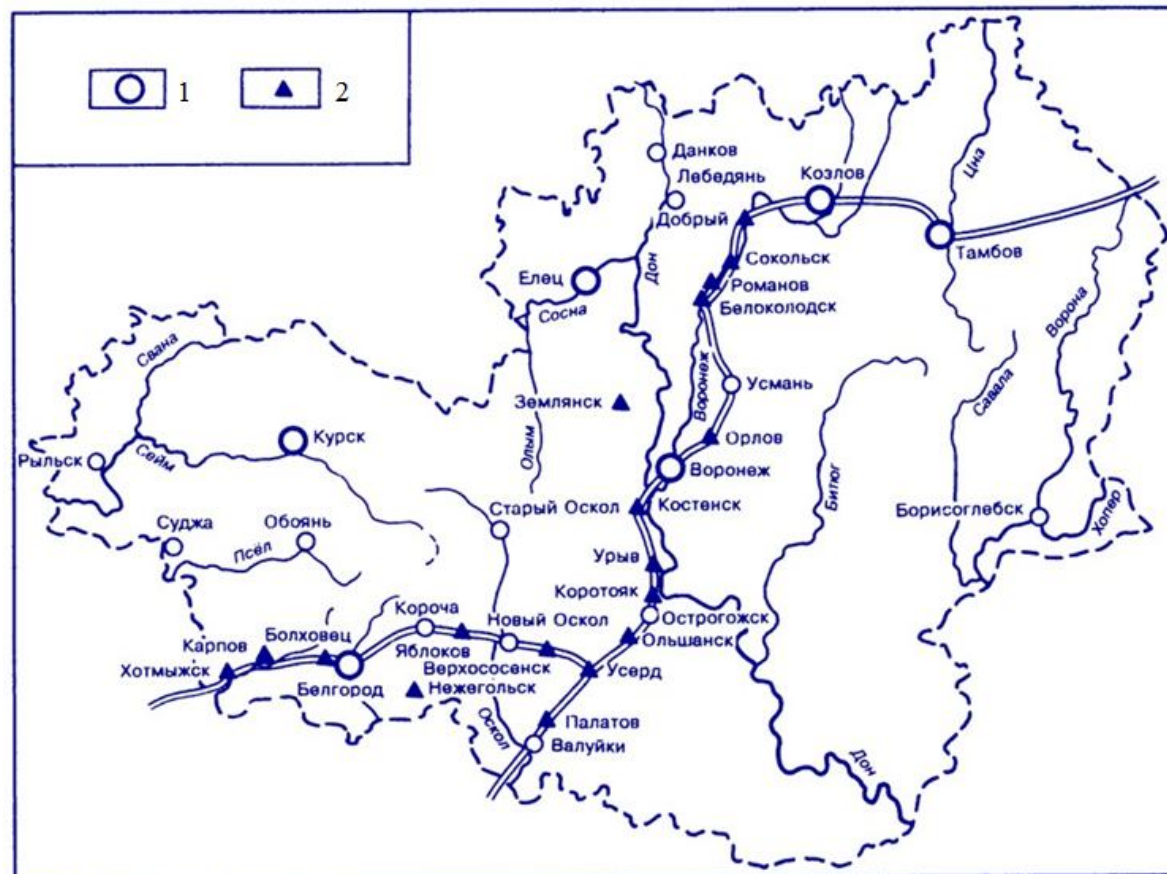

Рис. 3. Города и крепости на южном и юго-восточном направлениях: 1 — города, сохранившиеся до нашего времени; 2 — сельские поселения, в прошлом — города, основанные в период освоения «Дикого поля» [Лаппо 1997]

Линии обеспечивали безопасное освоение «Дикого поля» от Оки до Приазовья и Причерноморья, Приволжских и Заволжских степей, Южного Урала и Юг Западной Сибири, а затем Северного Кавказа [Лаппо 1997, с. 276, 277]. При этом на

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

рубеже XV — XVI вв. осваиваться начали обширные территории, где города либо отсутствовали и в домонгольский период, либо исчезли за годы ига, что потребовало создания предшественников «истинных городов» (выражение Г.М. Лаппо) — «квазигородской» инфраструктуры, каковой и являлись укрепленные линии. Так, Белгородская линия, перекрывавшая все дороги из Крыма, насчитывала 17 укреплений, часть из которых стали городами, сохранившимися до наших дней, как и в случае части укреплений Симбирской линии, продолжившей Белгородскую от Тамбова через Саранск до Симбирска. В районе за Нижним Ломовым и Верхним Ломовым Симбирская линия разветвлялась на Сызранскую, проходившую через Пензу и Сызрань, и Закамскую, начинавшуюся от Белого Яра и шедшую через Билярск и Заинск до Мензелинска. Для прикрытия с юга транссибирского водного пути от Оби к Енисею и далее к Лене (по притокам и волоком) в XVII в. также была построена укрепленная линия, наиболее значительные остроги которой впоследствии стали городами (Кузнецк, Красноярск, Иркутск). В XVIII в. на Южном Урале, прикрывая его от казахских степей, была устроена укрепленная Самарская линия с крепостями Бузулук и Сорочинская, также ставшими впоследствии городами. От Гурьева через Яицкий городок (Уральск) и Илецкий городок до Оренбурга и далее через Красногорскую, Орск, Магнитную, Верхнеуральск и Троицк проходила укрепленная линия, восточное продолжение которой (Пресногорьковская линия) достигало Омска. Заметим здесь, что в Сибири, где первоначальные административные и военные функции крепостей-острогов предшествовали экономическим и относительно долго не дополнялись ими, именно с городов началось и развитие земледелия как отрасли хозяйства.

Безопасность территории, отошедшей к России по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., обеспечивала укрепленная линия, соединяющая Моздок и Азов (до этого линия проходила от Кизляра до Моздока) через Ставрополь, Александровск, Георгиевск и Екатеринодар, к которой в конце XVIII в. была соединена Кавказская линия, продлевавшая ранее устроенную вдоль реки Кубань до Тамани (Фанагории). В XIX в. укрепленные линии отодвинулись за Кубань и Терек: в 1816 г. по инициативе А.П. Ермолова была устроена Сунженская линия с двумя крепостями — Грозной и Внезапной (и лишь на Кавказе при формировании социальных полей российского пограничного пространства преобразование социального пространства в физическое происходило таким образом, как об этом писал П. Бурдьё, — «с помощью искоренения или депортации некоторых людей»). При этом значительное внимание уделялось созданию новых городов по периметру государственной границы, что одновременно и «маркировало» территориальные пределы полей политики, права, экономики и религии, и «готовило» территорию (и соответствующие поля) к дальнейшему расширению [Лаппо 2007, с. 289].

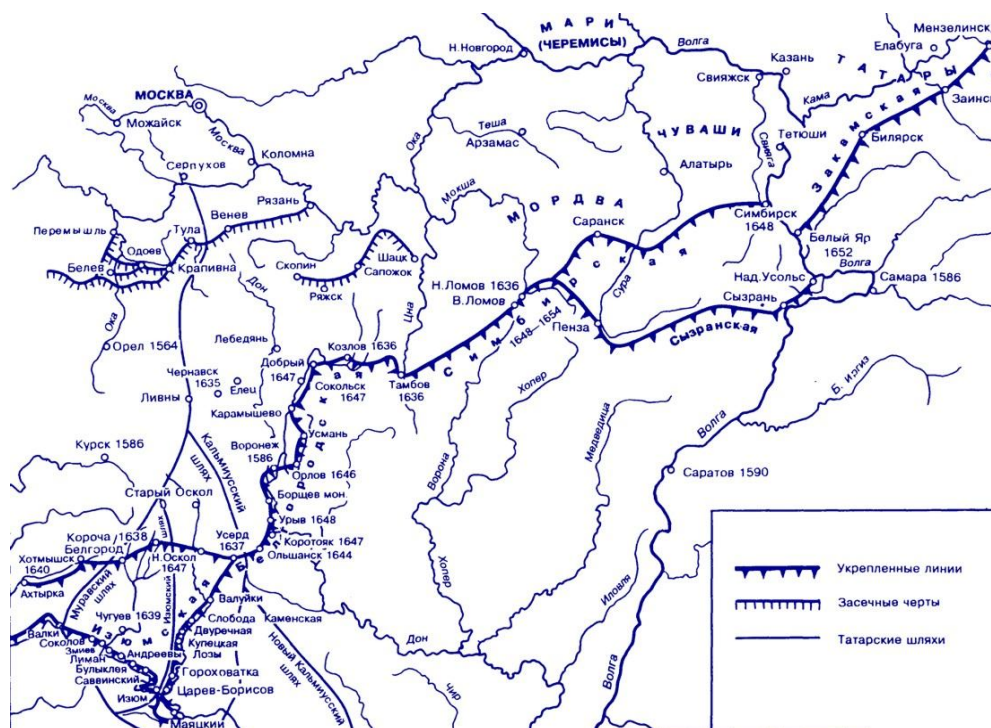

Рис. 4. Развитие военно-инженерной инфраструктуры на востоке Русского государства [Лаппо 1997]: видно, что если на южном направлении укрепленные линии контролировали преимущественно сухопутные коммуникации (шляхи), то на восточном направлении осуществлялся контроль преимущественно водных путей

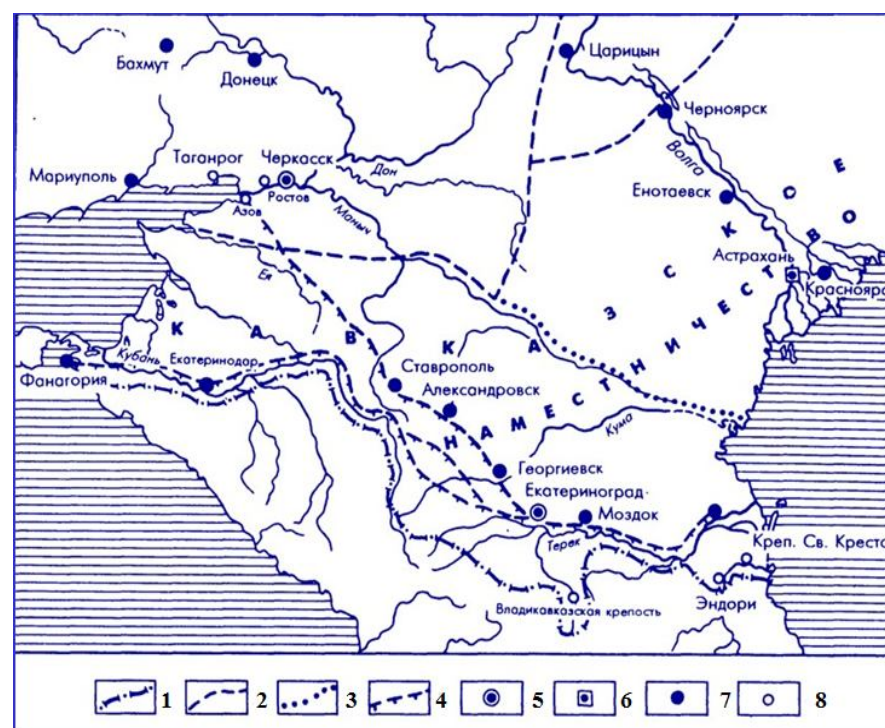

Рис. 5. Русские укрепленные линии на Кавказе [Лаппо 1997]: 1 — граница Российской империи; 2 — границы наместничеств; 3 — границы областей (в составе наместничеств); 4 — укрепленные линии; 5 — центр наместничеств; 6 — центр области; 7 — уездные центры; 8 — прочие населенные пункты.

По мере продвижения границ на уже освоенной территории часть созданных городов либо переставала быть таковыми, либо вовсе исчезало: «Первоначально создававшаяся на присоединенных землях сеть городов намечалась как бы вчерне, решая задачи непродолжительного периода. А на следующих этапах она перестраивалась, иногда очень радикально. И многие города, создававшиеся для контроля над новыми землями и призванные служить административными центрами для своей округи, при изменении обстановки, вызванной очередной передвижкой границ или строительством железных дорог, оказались не у дел» [Лаппо 1997, с. 321]. Заметим также, что даже с переходом от преимущественно речных коммуникаций к сухопутным дорогам развитие дорожной сети происходило преимущественно в той части Европейской России, которая продолжительное время находилась под властью Орды: как отмечают Д.Н. и Н.Ю. Замятины (см.: [Замятин, Замятина 1999, 2000]), постоянные наезды ордынцев в русские княжества за данью способствовали формированию ямской службы с последующим превращением ямов в города, связанные между собой ямскими трактами.

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

Однако урбанизация (и, соответственно, спатиализация) территорий, организованных засечными чертами и пограничными укрепленными линиями не приводило ни к развитию, ни даже к строительству дорожной сети, что отчасти было связано со сложностями погодно-климатических условий и рельефа местности, а также вырубки леса, который сам по себе считался (и был в случае конных атак) важным гарантом безопасности, но отчасти — с экономическими, военно-политическими и бюрократическими соображениями. В результате часть новоприобретенных территорий фактически не контролировалась государством (Яик), а часть и вовсе утрачивалась даже при наличии на них русских крепостей и русского населения (достаточно вспомнить «забытую» властью Албазинскую крепость), что фактически означало разрушение полей политики и права и существенное ослабление поля экономики, т.е. частичную, а в случае удаленных приграничных ТВД и практически полную «деспатиализацию» территории.

Однако даже в этих случаях процессы разгосударствления (и деспатиализации) не затрагивали поля религии и культуры. Действительно, как мы отмечали ранее [Тынянова 2010 б] (подробнее см.: [Смолич 1997]), «монастырская колонизация» на южном направлении предшествовала военно-политической и надежно обеспечивала воспроизводство полей религии и культуры на данных территориях. Однако, на наш взгляд, можно говорить и еще об одной возможной причине сохранения полей культуры этого сегмента пограничного пространства, связанной непосредственно с влиянием геометрических форм территориальной организации на пространственную.

«Исследователи полагают, — отмечает в своей работе М.М. Содномпилова, — что круг является архетипической геометрической формой организации окружающего человека пространства» [Содномпилова 2009, с. 255] (подробнее о символике круга и квадрата см.: [Гринкевич 2006]; см. также: [Жюльен 1999]). Центрально-периферическим — «круговым» — образом было организовано пространство городов как Древней Руси, так и тех, что возникали вокруг крепостей засечных черт, тем более что и сами крепости сначала огораживали круговыми стенами [Беляева 2004] (рис. 6). Впрочем, такой тип организации среды обитания характерен для всех архаических культур и восходит к архетипу очага. Куда важнее, на наш взгляд другое — то, что сохраняется ли центрально-периферическая, «круговая», организация пространства при расширении границ. Именно на такой характер включения новых территорий в состав Русского / Российского государства и формирование на них соответствующих полей культуры неоднократно указывает, в частности, Д.Н. Д.Н. Замятин, указывая на принципиальное отличие этого способа освоения экспансии от линейного — сквозного — продвижения американских переселенцев на запад американского континента (см., напр.: [Замятин 2006, 2011]). Это же, но уже в отношении не поля культуры, а поля политики, имеет в виду и С. Королев, считающий, что «в России, напротив, колонизация пространства шла от центра и само это пространство организовывалось, структурировалось через центр» (которого, как цитируемый автор отметит далее, у США не было, что сближает экспансию такого рода со сквозной линейной экспансией золотоордынских кочевников, которые имели, по крайней мере, военно-политический центр — ставку хана, — движущийся, однако, вместе с самими войсками) [Королев 1997].

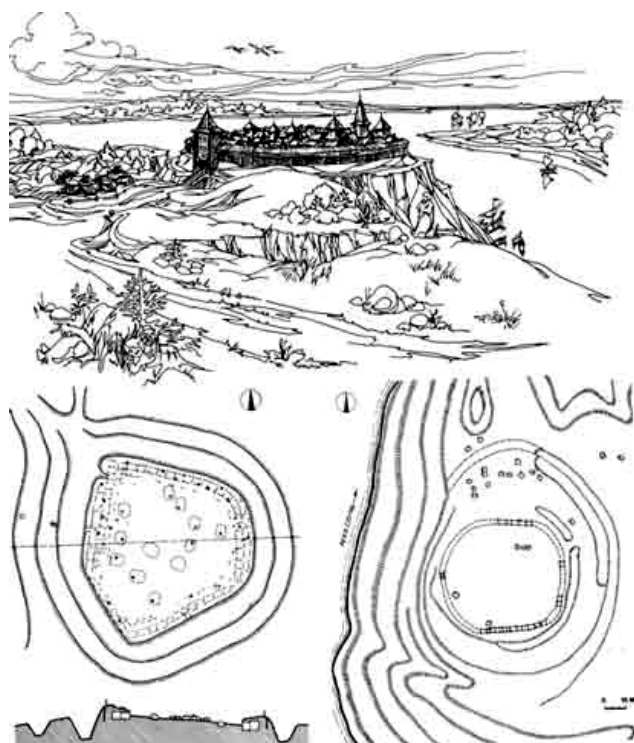

Рис. 6. Вид крепости и план круговых укреплений. [Беляева 2004]

Именно в центрально-периферической, круговой (точнее, линейно-круговой) организации пространства в процессе геополитической экспансии и следует, на наш взгляд, искать причины устойчивости российских периферийных полей культуры, более или менее успешно воспроизводящих поле культуры центра, чему в значительной степени способствовал факт комплектования пограничной стражи из населения этнического ядра Русского государства и первоначальное заселение новоосваиваемых земель служилыми и посадскими людьми из тех же областей [Градостроительство Московского государства XVI — XVII веков... 1994].

Есть, между тем, и еще один аспект, связанный с организацией территории и пространства в ходе экспансии. Чтобы пояснить, о чем идет речь, обратимся к описанному Ю.В. Гринкевич различию в коннотациях концептов «круг» и «квад-

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

рат» в русском и английском языках, весьма существенному, с нашей точки зрения, для понимания практик англосаксонской и российской традиций организации геополитического пространства как **двух базовых конкурирующих типов его организации**:

«...в англоязычной и русскоязычной культурах по-разному расставлены акценты между символами круга и квадрата, свидетельствует и анализ корпуса устойчивых словосочетаний с ключевыми словами *квадрат/square* и *круг/circle* в плане их коннотативности. Так, в английском языке со словом *circle* нет ярко выраженных и устойчивых ассоциаций, а со словом *square* есть: с ним ассоциируется ценностное понятие «честность, справедливость»... В русском языке, наоборот, со словом *квадрат* устойчивых ассоциаций нет, но есть — со словом *круг*: оценочное понятие «совершенный, полный»... Более того, в содержательной области русской идиоматики заметно большее, чем в английской, пространство занимает соотношение понятия *круг* с безысходностью и безвыходностью <...> ... вероятно, это связано с тем, что *славянские племена, в отличие от германских, были более оседлыми* [разрядка и курсив мои — О.Т.], т.е. больше зависели от смены времен года, от цикличности урожаев плодовых деревьев и цикличности использования полей» [Гринкевич 2006, с. 19–21].

Это позволяет нам высказать предположение об архетипическом характере несовместимости двух типов организации (освоения) и территории, и пространства — кругового, точнее, линейно-кругового, как условно замкнутого и собственно линейно-фронтального как сквозного. Первый, линейно-круговой или, в другой терминологии, центрально-периферический, тип очевидно связывается с формированием геополитического пространства как пространства культурного (и, в пределе, цивилизационного): константой культурного пространства, как указывает М.Я. Сараф, «является наличие центрального элемента культурного пространства, который выражает и определяет направленность культурных процессов, реализацию смыслов в деятельности субъектов культуры. Именно в центре вырабатываются стратегии культуры и ее защитные механизмы» [разрядка и курсив мои — О.Т.]» [Сараф 2013, с. 65].

И здесь весьма примечательно свидетельство К. Леви-Стросса о влиянии второго (сквозного линейно-фронтального) типа на первый (круговой, центрально-периферический): в своих «Печальных тропиках» Леви-Стросс рассказывает об опыте христианизации жителей некоего поселения, жилища которого располагались концентрическими кругами вокруг хижины главы общины (одновременно являвшегося и местным колдуном). Все попытки христианизации оставались безуспешными до тех пор, пока жилища не были снесены, а само поселение перестроено по линейному плану [Леви-Стросс 1984].

Так концепты «дороги» и «моста» предстают в двух ипостасях: как связывающие между собой два центра — два скарализованных места («очага культуры») и поглощающие (уничтожающие) таким образом противостоящий этому месту хаос, — и, одновременно, как угрожающие уничтожением самому скарализованному месту-очагу. На угрозы приграничным ТВД, обусловленные именно этой второй ипостасью дорог указывали и К. Хаусхофер [Хаусхофер 2001], и А.А. Свечин (считавший, что, с одной стороны, «оборудование театра войны железными дорогами имеет довлеющую стратегическую важность», а, с другой стороны, «укрепленная позиция является не только забором, но и воротами», и указывавший, что «узлы путей прежде всего надо будет обеспечить войсками прикрытия» [Свечин 1927]). Однако пока технологии строительства и колониальный раздел мира не создали условий для строительства трансрегиональных и, тем более, трансконтинентальных путей сообщения, эти угрозы российскому пограничному пространству более или менее успешно парировались локально-линейной инфраструктурной организацией приграничных ТВД.

Линейно-пространственный этап: железные дороги и укрепрайоны (УРы). Особенностью второго этапа инфраструктурной организации российских приграничных ТВД, начавшегося со строительством Транссиба (1891) и КВЖД (1897) и продлившегося до конца 1980-х — начала 1990-х гг. (т.е. до первого в отечественной истории политического решения руководства о консервации, а затем и полном расформировании действующего УРа, которое было принято в ходе реализации программы радикальной трансформации всего социального пространства страны²²), стало не только то, что в

²² 25 апреля 1995 г. была издана Директива ГШ ВС РФ о полном сокращении 1 УР Тихоокеанского флота [Артемовский рубеж... 2013]. Можно было бы вести отсчет расформирования Дальневосточного укрепрайона и от первой половины 1960-годов (периода улучшения советско-китайских отношений) [Широкоград 2005], однако в этом случае частичный демонтаж УРа не сопровождался сколько-нибудь существенными изменениями структуры социальных полей (и в 1970-е гг., после конфликта на о. Даманском, 1-й УР активно восстанавливается).

этот период территория организовывалась за счет инфраструктуры, изначально создававшийся для решения стратегических задач — связи новоосваиваемых районов со староосвоенными и с центром в случае Транссиба, усиления военно-политического и экономического влияния в регионе — в случае КВЖД и прикрытия стратегически значимых населенных пунктов и транспортных узлов — в случае УРов. Принципиально иным было прежде всего состояние полей пограничного пространства, в котором сооружались трансконтинентальные и трансрегиональные железные дороги и УРы.

Так, территории, по которым в этот период прокладываются железные дороги, были уже полностью спатиализованы (хотя и преимущественно — в случае России — полями политики и права). С прокладкой трансконтинентальных и трансрегиональных железных дорог формируются новые «мифы пространства», что свидетельствует об изменениях в структуре не только поля экономики, но и полей культуры и политики геополитического пространства. Так, в частности,

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

С. Лурье и Л. Казарян отмечают: «Проект немецкой “Багдадки” похож на линию фронта; немцы таким образом стремились расширить свое жизненное пространство, и вдоль их колеи предполагалась как бы непрерывная линия обороны. Немецкая активность по бокам их магистрали, там, где дорога проходила вблизи границ чужих сфер влияния, напоминала действия при фронтальном типе соперничества. <...> Германская “Багдадка” носила ярко выраженную, но довольно специфическую идеологическую нагрузку. Она не была для Германии связью с какой-то значимой территорией вне себя. Она была продолжением себя, очень напряженно переживаемым прорывом за свои пределы — почти идеально-метафизическим расширением жизненного пространства, сопровождавшимся эксплицитным идеологизированным на эту тему» [Лурье, Казарян 1994]. Можно согласиться с мнением С. Королева:

«Железная дорога — это своеобразный способ освоения географического пространства, упрочения геополитических границ, но в то же время и элемент властного, технологического механизма. Дорога может стать стержнем пространства власти, каналом властных импульсов. Кроме того, это локальная, региональная машина власти, инструмент мобилизации, концентрации и перемещения материальных и людских ресурсов. В полной мере это ее качество («машина власти», производящая лишь самую власть) обнаружилось в сталинские годы, когда некоторые железные дороги строились заключенными на вечной мерзлоте без всякой хозяйственной необходимости и никогда впоследствии не использовались.

Технические проекты этого типа встраиваются в механизмы власти по-разному — в зависимости от «местных условий». Скажем, в Америке, где не было «центра», все происходило не так, как в России, или, например, на Африканском континенте. Здесь отсутствовали также какие-то видимые геополитические границы (во всяком случае, видимые для переселенцев, движущихся в глубь страны от восточного побережья). Железные дороги были не столько технологическим и геополитическим стержнем пространства власти, сколько олицетворением гражданского общества и способов его создания.

В России, напротив, колонизация пространства шла от центра и само это пространство организовывалось, структурировалось через центр. Поэтому железные дороги у нас пересекали чаще всего уже упорядоченное властью пространство — и строились той же властью. И естественно, что направление железных дорог в России совпадает с направлением импульсов власти» [Королев 1997].

Территории, на которых сооружались укрепрайоны, тем более были спатиализированы — равно как и сопредельные, откуда ожидалась военная агрессия, поскольку теперь она исходила не от эпизодически (хотя и часть) приближающихся орд кочевников. В этой связи отметим, что Золотая Орда объединяла в себе не территории, а народы и, тем самым, не являлась государством в полном смысле слова, а структура ее социальных полей существенным образом отличалась от сложившихся на русских землях, причем инкорпорации последних в ордынское социальное пространство так и не состоялось (и не предполагалось самими ордынцами). В двадцатом же веке, после двух столетий пребывания в составе «концерта европейских держав», Россия, теперь уже советская, не только спешно готовилась отражать агрессию превосходящего по уровню технического оснащения противника, но и возводила территориальные бастионы против его социальных полей, посягающих на ее пространство — так же, как это, со своей стороны, делал и упомянутый противник (заметим, что подобный тип организации был традиционным для европейских приграничных ТВД и сложившимся там, как представляется, в период войн XVI—XVII вв.²³).

²³ В силу большей плотности населения, более сложной структуры ленно-вассальных отношений, сформировавших европейскую геополитическую реальность раннего Нового времени, и более развитой сети транспортных коммуникаций в Европе этого периода переход к линейно-пространственному типу организации европейских ТВД начался раньше, чем в России, прежде всего на границах с Портой. Так, в частности, в XVI—XVII вв. на Мальте была отстроена система береговых укреплений, в конце XVII в. часть ее объединила три города (Витториоза, Коспикуа и Сенглея) в единое фортификационное целое (линия Коттонеры, по имени Великого магистра Н. Коттонеры, при котором она была возведена), да и сама Мальта может рассматриваться как европейский «укрепрайон» на границе империи Испанских Габсбургов и Османской империи; примером линейно-пространственной организации приграничного ТВД является область Война Крайна (Военная Граница) на славянских землях Австрийских Габсбургов. Данные два примера наглядно демонстрируют практически одновременную организацию социального пространства приграничья (формирование социальных позиций рыцарей-госпитальеров в случае Мальты и сербов-граничар в случае Военной Границы) и развития военно-инженерной инфраструктуры.

Справедливости ради необходимо отметить, что социальный статус упомянутых слоев населения европейских пограничных пространств снижался по мере «замирения» границ (в случае сербов — быстро, в случае родовитых мальтийских рыцарей — медленно, но тем не менее ощутимо). В случае России, если не считать мероприятий, направленных на формирование (на предыдущем, локально-линейном этапе) русского населения Кавказа из числа ветеранов кавказских укрепленных линий, государство, заботясь о военной защищенности границ, практически не организовывало социального пространства приграничных территорий. Так, казачество не без труда было включено в социальное пространство России, сохранив при этом собственную социальную структуру, а упомянутые мероприятия на Кавказе как способ спатиализации новых территорий империи уступали тем методам формирования социального пространства, которые реализовывались на римском лимесе императором Августом [Тынянова 2008].

В остальном же приводимое нами выше мнение К. Клаузевица относительно организующей пространство роли военных крепостей (высказанное в период, когда, казалось бы, такие сооружения как элемент военной инфраструктуры в Европе уходили в прошлое) содержит перечень всех тех функций элементов локально-линейной организации приграничных ТВД, которые в XX в. перешли в Европе к укрепленным линиям (Мажино, Маннергейма и т.п.), а в СССР — к УРАм.

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

Действительно, с 1860-х гг. основой системы долговременных укреплений приграничных театров являлась крепость, являвшая собой систему (кольцо) фортов, окружавших крупный промышленный или транспортный центр [Каминский 2006]. Форт — обнесенная валом и рвом сеть укреплений площадью до нескольких гектаров — имел в своем составе защищенные от артиллерийского огня казармы, огневые сооружения и стрелковые позиции (пример чего можно видеть в сохранившихся до наших дней фортах окрестностей Бреста и Гродно). Опыт I мировой и Гражданской войн показал, что условия развертывания боевых действий массовых армий на широких фронтах требуют укрепленных полос большой протяженности, способных противостоять натиску больших человеческих масс и выдержать огонь крупнокалиберных артиллерийских орудий. Результатом смены стратегии военно-инженерной подготовки государственной границы к войне стала разработка советскими фортификаторами (Ф. Голениным, Г. Невским, Н. Кохановым, С. Хмельковым, Д. Карбышевым и др.) вариантов укрепления приграничной территории, вошедших в последующем в практику оборонного строительства, и с 1920-х гг. основной фортификационной формой заблаговременной инженерной подготовки государственных границ к обороне стал считаться укрепленный район. Конкретными задачами «долговременных сухопутных фронтов», как именовались УРы в документах конца 1920-х гг., были обеспечение обороны важнейших экономических и политических центров, расположенных в опасной близости к границе, а также важнейших транспортных узлов в приграничной полосе и плацдармов для сосредоточения сил РККА [Каминский 2006] (рис. 7).

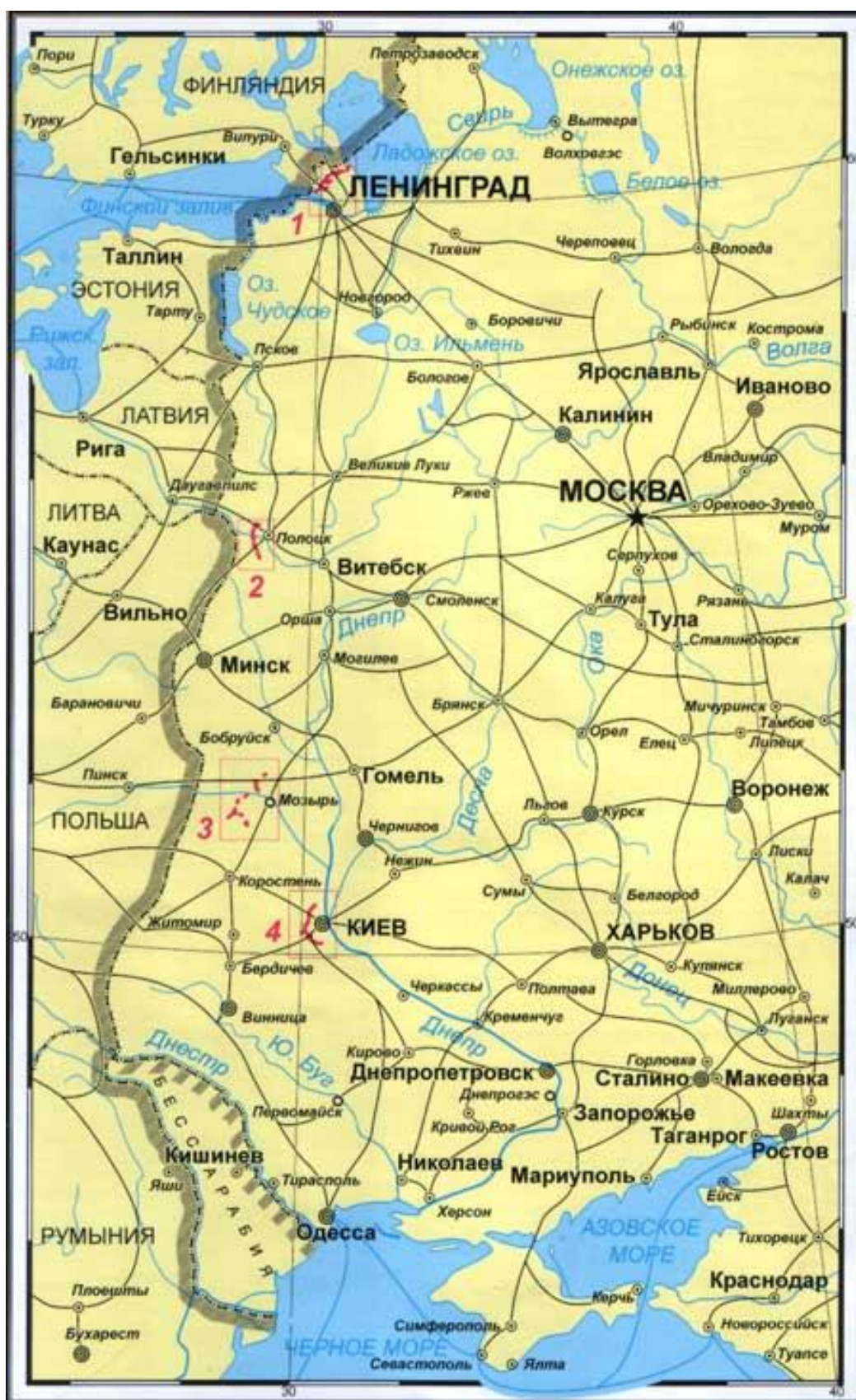

Рис. 7. Укрепленные районы западного приграничного театра: **1** — Карельский, **2** — Полоцкий, **3** — Мозырьский, **4** — Киевский [Каминский, Александров 2004]

Так, Карельский УР должен был прикрывать со стороны Финляндии Ленинград, являвшийся не только крупнейшим населенным пунктом страны, но и одним из ключевых промышленных и политических центров СССР; Полоцкий район — прикрывать важнейший стратегический железнодорожный узел и переправы через Западную Двину у Полоцка; Мозырь-

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

ский — восточные выходы из Полесья и пути на Гомель и Жлобин; Киевский — переправы через Днепр в северной части правобережной Украины (предлагалось также возведение в мобилизационный период Псковского и Лепельского укрепрайонов [Каминский 2006]).

Создаваемые в расчете на длительное сопротивление находящиеся в них соединения, УРы западного направления, в отличие от Дальневосточного укрепрайона, не выполнили своей стратегической задачи. В низком темпе строительства укрепрайонов на старой советской границе (т.н. «линия Сталина»), снятии с них вооружения после того, как государственная граница СССР была отодвинута на запад, а также в строительстве близ новой границы СССР не прикрытых военно-инженерной инфраструктурой военных аэродромов ряд военачальников, а впоследствии и историков обоснованно усматривали стратегическую ошибку военно-политического руководства страны, имевшую трагические последствия для ее обороноспособности. Так, Маршал Советского Союза И. Баграмян писал: «Нет никакого сомнения, что если бы нам до полного ввода в строй новых укрепленных районов удалось сохранить боевую готовность старых укрепленных районов, это неизмеримо повысило бы оборонительные возможности войск...» (цит. по: [Каминский, Александров 2002]).

Заметим в этой связи, что как и в случае железных дорог — и в отличие от засечных черт, — УРы становятся олицетворением государства как такового, символом власти над пространством, свидетельствуя тем самым о тесной связи данного типа инфраструктурной организации российских приграничных ТВД с полем политики. Весьма любопытным свидетельством такой связи является, на наш взгляд активизировавшееся с распадом СССР направление т.н. «моделирования» истории, затронувшее техническое состояние УРов на старой советской границе в предвоенный период. Так, предлагаемый И. Бестужевым-Ладой альтернативно-виртуальный сценарий войны (и победы СССР «малой кровью») [Бестужев-Лада 1997, с.112–122], особенно в части, касающейся сосредоточения основных сил в укрепленных районах по старой границе СССР (линия Новгород — Минск — Житомир — Одесса), формирует представление о мощных замаскированных полигонах, крытых аэро- и танкодромах, на которых в случае внезапных бомбежек мог укрываться самолетный, танковый и артиллерийский парк²⁴.

²⁴ Высокие (и не всегда оправданные) ожидания, связанные с военно-инженерной инфраструктурой, являются, по-видимому, характерной особенностью линейно-пространственного этапа эволюции организации приграничных ТВД (как неоправданно заниженные — характерной особенностью следующего, пространственного, этапа). Такие ожидания связывались и с линией Мажино, и с линией Маннергейма, и — ранее — у Белой армии и населения Крыма с оборонительными сооружениями Перекопа [Челышев 2013, с. 76]. С нашей точки зрения, объяснением данного феномена может служить перенос на военно-инженерную инфраструктуру ожиданий от соответствующих территориально локализованных социальных структур, позиций и связей, представлявших в тот период значительно более устойчивыми, нежели в эпоху «текучей современности» (в свою очередь, неустойчивость социальных структур «текучей современности», а также их теряющаяся в глобальном мире локальность обуславливают современные заниженные ожидания от соответствующих инженерных сооружений).

Между тем архивные данные, приводимые исследователями [Маляров 2000; Каминский 2002, с. 16–30; Каминский, Александров 2002; Рябушев 2004], свидетельствуют: к 1941 г. «линия Сталина» не только не была достроена до конца, но и не укомплектована ни вооружением, ни техникой. Существенными проблемами оборонительного строительства были его начало без окончательного оперативного инженерного решения по укрепрайону и утвержденного генерального плана; изменение планов уже в период строительного сезона; проектирование сооружений при отсутствии данных по пулеметным и орудийным установкам, а также по техническому оборудованию; установку в сооружениях перископов, фильтров и вентиляторов (кроме опытных) с большим опозданием (до 3–4 лет, в основном из-за срыва поставок промышленностью); заведомо недостаточное финансирование, вынуждавшее к экономии за счет сокращения отдельных элементов; нехватку подготовленного командно-начальствующего состава — как по мере роста объема строительства, так и в результате политической борьбы [Каминский 2002].

В результате, как показывает С.А. Рябушев, лишь незначительное количество (10%) сооружений было полностью укомплектовано артиллерийскими орудиями, причем последние «представляли... собой орудия образца 1877–1895, 1900 и 1902 годов. По результатам проверки 1939 года было установлено, что ко многим из этих орудий нет снарядов, а многие из них собраны из плохо подогнанных друг к другу старых запчастей и опасны только для своих расчетов. И хотя к 1941 году в укрепрайоны и добавили некоторое количество пушек образца 1902/30 года, уровень качества артиллерии по-прежнему оставался низким». Цитирует исследователь и записку заместителя Народного комиссара Внутренних дел УССР Б. Кобулова о состоянии Киевского укрепрайона от 11 янв. 1939 г., согласно которой «из 257 сооружений, имеющихся в районе, только 5 готовы к боевому действию... Левый и правый фланги не защищены и имеют свободный проход для противника (левый — 4 км, правый — 7 км). В центре зоны УР ... образован мешок (разрыв в 7 км), через который открыт свободный проход противнику непосредственно к Киеву. Передний край долговременной полосы удален от центра Киева лишь на 15 км, что дает возможность обстрела противником Киева, не вторгаясь в укрепрайон... Из 257 сооружений у 175 отсутствует нужный горизонт обстрела из-за рельефа местности (бугры, горы, крупный лес и кустарник). Планировочные работы по УР, несмотря на указания правительства, оттягиваются выполнением на военное время, тогда как эти работы необходимо проводить немедленно. Только по 3-му участку необходимо для планировочных работ снять более 15 000 кубометров земли, а это не менее 4-х месяцев работы... Всего же ... по укрепрайону необходимо снять не менее 300 000 кубометров земли и вырубить до 500 га леса и кустарника. ... 140 огневых сооружений обору-

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

дованы пулеметными заслонками обр. 1930 г., которые при стрельбе закрываются автоматически и способствуют поражению бойцов из своих же пулеметов рикошетированными пулями. О небоеспособности КиУР и непринятии мер командантом КиУР Особый отдел КОВО неоднократно информировал командование КОВО, но, несмотря на это, до сего времени ничего не предпринято...» (цит. по: [Рябушев 2004]).

Подобное положение дел на западном приграничном ТВД делало присоединение Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики едва ли не единственным возможным геополитическим решением, однако эти меры не могли снизить отмечавшуюся еще в 1927 г. А.А. Свечиным остроту проблемы обилия и малой глубинности важных географических пунктов — больших городов и промышленных центров — на западном направлении, прежде всего Ленинграда [Свечин 1927], называемого Свечиным «новым Севастополем». Однако в условиях локально-линейной организации приграничных ТВД, когда связь военно-инженерной инфраструктуры с социальными полями пограничного пространства Российской империи только формировалась, временная утрата Севастополя была хотя и болезненным, но не столь трагическим событием, как могла бы стать утрата Ленинграда.

Спешно строившиеся и, в итоге, так и не достроенные, УРы западного направления не смогли выполнить своих функций еще и по той причине, что не успели стать элементом социального пространства (спатиализироваться) — в отличие от УРов восточного направления, расформирование которых нанесло существенный ущерб не только (а, возможно, и не столько) обороноспособности страны, сколько социальным полям пограничного пространства и в целом социальному пространству России (здесь, на наш взгляд, допустимо считать начавшееся с 1960-х гг. снижение социального статуса командного состава Дальневосточного УРа предвестником расформирования укрепрайона в 1990-х гг.)

Характерной особенностью линейно-пространственной организации приграничных ТВД, которая осуществлялась уже в значительно большей степени в (сформировавшихся) полях социального пространства, нежели на предыдущем этапе, стала массовые депортации / перемещения населения из и в отдельные приграничные регионы, причем депортация происходила как перед Великой Отечественной войной, так после ее окончания, и с территорий не только приграничных, но и появившихся именно в этот период пограничных ТВД (как, например, в случае немцев Поволжья).

Пространственный этап: гражданская (промышленная) структура и социальная инфраструктура. С перемещением геополитической экспансии в социальное пространство все его поля и элементы организации приграничных территорий образуют инфраструктуру приграничных и пограничных ТВД. В условиях изменения структуры полей политики, экономики и религии — маргинализации населения приграничных регионов, расползания по сопредельным субъектам Федерации этнополитических конфликтов и инфраструктурной необустроенности новых участков российской границы — отдельные сегменты пограничного пространства деспатиализируются и превращаются в территории, организуемые геополитическими конкурентами, устанавливающими там свой контроль пока над полем экономики и информации, но все больше над полями образования, науки и религии.

О все более возрастающей роли города и образовательного пространства как специфических приграничных театров информационной войны мы писали неоднократно [Тынянова 2010 а, 2011 б, 2012 а,б]. Здесь лишь отметим следующее.

Именно приграничные города и транспортные артерии, связывающие приграничные регионы с собственным и сопредельными политическими, хозяйственными и культурными центрами, образуют опорный каркас пограничного пространства, что приобретает принципиальное значение с переходом от линейной к пространственной концепции границы. Не случайно вплоть до раннего Нового времени малая плотность сети городов при низком уровне развития транспортной инфраструктуры однозначно вела к распаду государств по линиям «наибольшей разреженности» коммуникационной сети, а малое количество городов и развитых городских систем на пограничной периферии всегда оказывалось одним из наиболее значительных факторов внутривосточной дезинтеграции. Между тем после распада СССР число приграничных административно-территориальных единиц России с ранним урбанистическим переходом оказалось весьма незначительным, и наблюдаемая здесь динамика урбанизационных — точнее, как это позволяют видеть данные Росстата [Регионы России 2000—2012] (см. также: [Российским городам грозит запустение 2011]), дезурбанизационных — процессов не свидетельствует ни о наличии каких-либо положительных сдвигов, ни о сколько-нибудь эффективной политике государства в данном направлении.

Именно приграничные города и локализованные здесь поля информации, образования и науки, в которых вырабатываются представления о картине окружающего мира, формируются и воспроизводятся идентичности и образы пространства — собственного и сопредельного, — становятся важнейшим фактором пограничной и, шире, национальной безопасности. По этой причине диспропорцию в развитии информационной и прочей социальной инфраструктуре следует рассматривать как технологию передачи власти на пограничной периферии конкурирующему центру силы.

Что же касается иллюзии формирования в России за счет сети Интернет поля образования, то, представляется, что сторонники такого взгляда на отечественное образовательное пространство не замечают разницы между полями образования и информации, считая их тождественными (так же, как и сами понятия «образование» и «информация»). На наш взгляд, однако, современное российское правовое и «дискурсивное» регулирование в области образования превращает Интернет в мощный инструмент формирования «образовательных кластеров», т.е. фактически разрушения поля образования, ведущего к созданию общества пре-модерна, современного аналога жреческих государств Древнего

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

Египта и Месопотамии, где знание является достоянием узкой касты. В скобках заметим также, что «размывание» / «стирание» государственных границ сопровождается переносом жестких границ в социальное пространство и отстраиванием «пограничных» ТВД именно в его полях, т.е. созданием «классического» — подлинного — кастового общества.

Между тем опережающее развитие сети Интернет (по сути, подменяющее собой развитие социальной инфраструктуры не только на пограничном пространстве РФ, но и в масштабе всего российского пространства) оказывается лишь первым этапом освоения геополитическими конкурентами поля информации пограничного (и социального) пространства России. Так, государственная политика поддержки IT-производства привела к тому, что с 2005 г. в России развернулся процесс открытия зарубежными компаниями новых центров по разработке программного обеспечения и их укрупнения. Среди этих компаний — такие производители с мировыми именами, как «Интел», «IBM», «Siemens» и др., что, с одной стороны, означает создание новых рабочих мест, новые инвестиции в российскую экономику, а также возможность для российских компаний эффективно перенимать зарубежный управленческий опыт. С другой стороны, речь идет об иностранных инвестициях в стратегические отрасли экономики, тем самым, о структуре полей экономики, информации и политики — и, таким образом, о вопросе информационной, технологической и экономической безопасности. При этом в условиях разрушения военно-инженерной инфраструктуры российского пограничного пространства его интернетизация представляется весьма проблематичной с точки зрения информационной безопасности России, поскольку ядром всемирной глобальной сети изначально являлась и по-прежнему остается компьютерная сеть Министерства обороны США (AR-PAnet) [Национальная безопасность... 1999, с. 183].

В этой связи обращает на себя внимание и намерение российского правительства американского спутникового оператора Iridium как единственного обеспечивающего устойчивый сигнал на всей территории России для активного подключения ее северной части к сети Интернет и телефонной связи, причем предполагается, что уже сегодня в России нелегально услугами Iridium пользуются несколько тысяч человек [Ходов 2010]. Между тем в настоящее время деятельность Iridium в РФ противоречит законодательству об иностранных инвестициях и конкуренции, а ее статус не определен; для легализации же ее в капитал дочерней компании «Иридиум Коммьюникейшнс» должна войти российская сторона с долей не менее 51%, а американская сторона должна будет запустить станцию сопряжения в России. Однако если данная информация соответствует истине, возникает вопрос о связности как территорий, так и пространства, т.е. о структуре, более того, о существовании локальных полей экономики, информации и политики: во-первых, о доступности данного спутникового оборудования для простых пользователей и, во-вторых, о том, что вместо совершенствования широко рекламируемой системы ГЛОНАСС предполагается использование спутника, при отключении которого в случае ухудшения политической обстановки целые группы населения и экономические кластеры (например, нефтяники и энергетики Севера, а также моряки Северного морского пути) окажутся отрезанными от остальной части страны.

Остановимся также и на некоторых других, принципиальных с нашей точки зрения, элементах инфраструктурной организации приграничных ТВД.

В XXI в. проблема глубинности приграничных территорий вновь возникает с той же, если не с большей остротой, чем в первой половине XX в. с крушением Российской империи: после распада СССР в роли «нового Ленинграда» оказываются старые и строящиеся промышленные объекты «нового» российского приграничья, прежде всего Самарской и Челябинской областей и Краснодарского края. Не лучше обстоит дело и на старых участках российской границы, прежде всего с Китаем, где активно ведется строительство нефтепроводной системы Восточная Сибирь — Тихий океан (рис. 8), проектирующейся для экспорта в страны АТР российской нефти, добываемой на месторождениях Восточной и Западной Сибири.

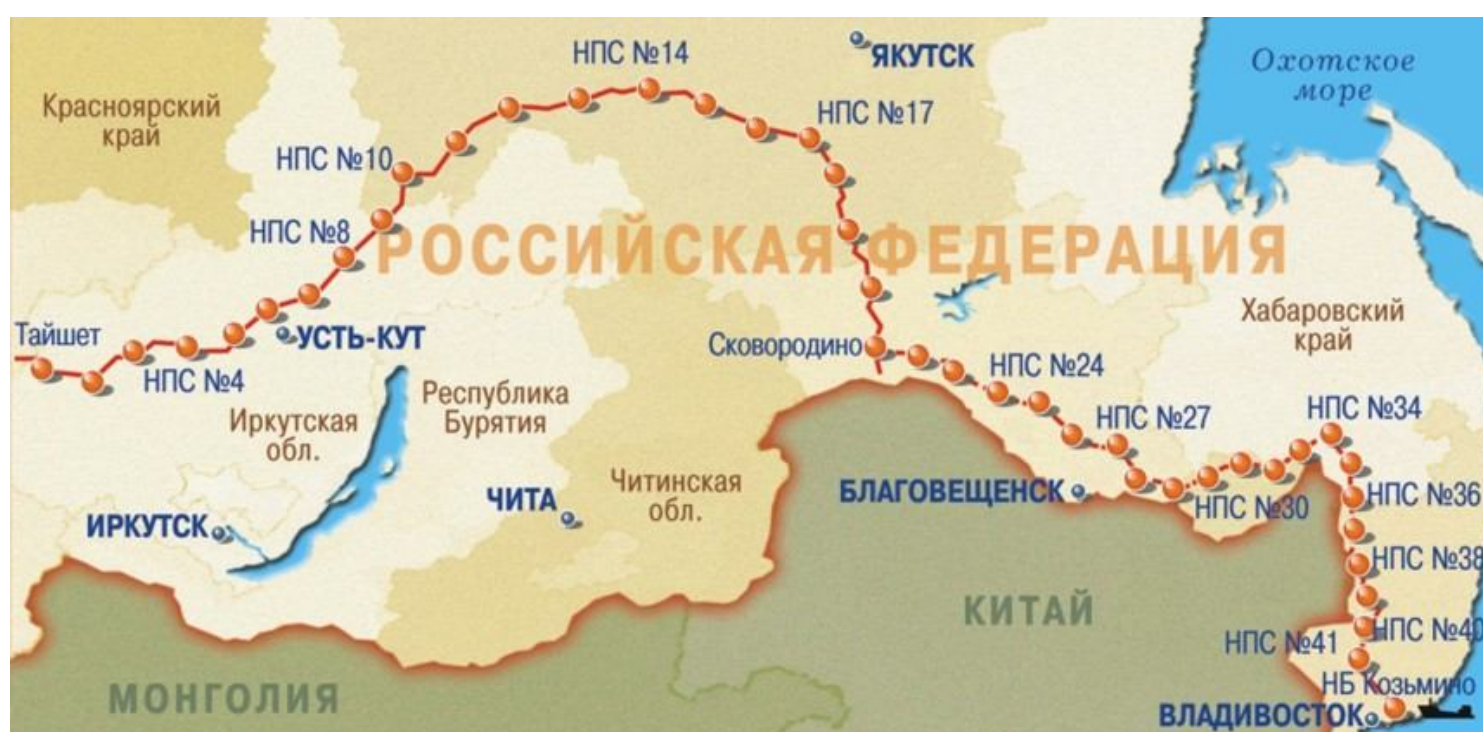

Рис. 8. Нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» [Официальный сайт ОАО «АК Транснефть»
<http://www.transneft.ru/objectdata/WebPageImpl/3658/vsto200.jpg>]

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

Отметим, что в поствестфальскую эпоху гораздо быстрее, нежели государственные, «размываются» границы между инфраструктурой военно-инженерной и экономической (и, шире, социальной), точнее, каждый из видов инфраструктуры легко трансформируется в другой, что связано с превращением в основные цели и средства войн нового поколения промышленных объектов (элементов структуры экономики) и социальной инфраструктуры и полей социального пространства. Более того, Н.А. Комлева справедливо называет в числе технологий установления мирового господства само «строительство промышленных объектов и инфраструктуры на территории других стран, поставки оборудования. Промышленные объекты и инфраструктура — это индустриальные и постиндустриальные технологии. Построив завод в другой стране, государство-экспансионист привязывает к себе данную страну технологически, а также в плане поставок запасных частей к машинам и агрегатам, в плане консультаций специалистов» [Комлева 2012, с. 44]. Очевидно, что само строительство таких объектов в приграничных регионах и на т.н. «внутренней периферии», соединяющей центр с приграничными административно-территориальными единицами, превращает такие территории в соответственно приграничные и пограничные ТВД.

Способность же военно-инженерной инфраструктуры пограничного пространства трансформироваться в гражданскую и ныне сохраняет высокую социальную значимость, что в значительной мере является развитием сложившейся в эпоху пре-модерна функции приграничных гарнизонов как социально-политической опоры государства и представительства центра на пограничной периферии, — функции, актуализирующей тезис Ф. Ратцеля о силе государства как о производном от возможности политического центра удерживать в сфере своего влияния пограничную периферию. Однако в постклассическую эпоху этот тезис связывается прежде всего с информационным и организационными ресурсами: с превращением информации и, шире, знания в один из главных инструментов установления господства над всеми остальными ресурсами военно-инженерная инфраструктура (в первую очередь приграничных и пограничных ТВД) может превращаться — и все чаще превращается — в своего рода ядро концептуализации информации, т.е. в превращение ее в знание о реальности как основу принятия политического (военно-политического) решения, при сохранении своей первичной функции форпоста, военной крепости, в любой момент способной стать военным городком и собственно городом. Так, уже на этапе линейно-пространственной организации приграничных ТВД ядерное вооружение (и соответствующая инфраструктура) с момента своего появления «переросло цели, ради которых создавалось» [Слипченко 1997, 2002], став ядром нового «мифа о пространстве» и ядром концептуализации информации о геостратегических планах потенциального противника (см., напр.: [Шлыков 2008]). В свою очередь в рамках концепции бесконтактных войн В.И. Слипченко система ПРО хотя и рассматривается самим автором как своего рода «укрепрайон», способный трансформироваться в город, выступает прежде всего информационным ресурсом, ядром концептуализации информации о безопасности, которая открывает доступ к ресурсам и организационному — организующему и территорию, и пространство, — и территориальному.

В то же время, как мы уже отмечали выше, значимость локально-линейных и линейно-пространственных элементов территориальной инфраструктуры на этапе пространственной организации не утрачивается — как не утрачивает данная инфраструктура и своих первоначальных, не информационных, функций, обеспечивающих возможность доступа к территории как к универсальному ресурсу первого порядка. В связи с этим, на наш взгляд, утопией (в буквальном — территориальном — смысле этого слова) представляются упования на гипотетическую возможность переброски «в случае необходимости» в Восточную Сибирь и на Дальний Восток армейских подразделений по воздуху: в современных условиях, как и на предыдущем этапе эволюции инфраструктурной организации приграничных ТВД, переброска тяжелой техники может осуществляться только по железной дороге. И, как представляется, ни завоевание социального пространства, ни война-спецоперация, осуществляемые силами спецподразделений, ни «классическая» война новыми технологическими средствами не исключает, прежде всего именно в Сибири и на Дальнем Востоке, вероятности «классической» войны классическими средствами.

Однако, с нашей точки зрения, в постклассическую эпоху первичность ведения войны в полях социального пространства меняет роль всех остальных видов и форм войны: если на предыдущих этапах изменение статуса территорий (государств) было следствием войны, то теперь война в собственном смысле этого слова становится всего лишь проявлением (завершающим этапом) изменения этого статуса, а в ряде случаев — формой его поддержания (по этой причине в любом современном локальном конфликте будет отчетливо просматриваться компонента «мировой войны» — не только глобальной «мятежевойны», но и «руки», точнее, «рук» геополитических центров, заинтересованных как в территориальных, так и в организационных — в данном случае статусных — ресурсах)²⁵.

²⁵ Речь в данном случае идет не только о повышении статуса того или иного геополитического актора. Так, на наш взгляд, однозначным свидетельством снижения геополитического статуса государства является обсуждение его внутренней политики (как в целом, так и отдельных политических решений) мировым сообществом. Что же касается военных технологий повышения или поддержания уже существующего высокого статуса того или иного центра силы, то здесь не только развертывание ПРО, но и любая спецоперация от участия в локальном военном конфликте до его инициирования может носить демонстративно-имитационный характер. В частности, на наш взгляд, именно таковыми можно считать «спецоперации» в Ираке, Ливии, а теперь и в Сирии, поскольку данные операции осуществлялись явно без расчета на экономическую или международно-

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

политическую (приведение к власти «популярной» политической элиты) выгоду. В самом деле, во-первых, ни эти государства, ни, тем более, Египет (возглавляемый до начала «арабской весны» более чем лояльным по отношению к Западу и конкретно к США Х. Мубараком) даже при самом «управляемом» правительстве не могут всерьез рассматриваться как альтернативный Саудовской Аравии и ОАЭ источник углеводородов (особенно если иметь в виду экономические потери от неизбежного в ходе любых спецопераций разрушения нефтепроводов и нефтехранилищ и последующего их восстановления). Во-вторых, антиамериканская и в целом антизападная риторика не мешала свергнутым правителям Ирака и Ливии успешно продавать нефть на Запад и размещать нефтедоллары в западных банках. Между тем, хотя ваххабизм, который никоим образом не может рассматриваться как прозападное (проамериканское) течение, является официальной идеологией Саудовской Аравии, ее геополитический статус остается непоколебимым, и ни одному сколько-нибудь серьезному политику США не приходит в голову причислить данное государство к «оси зла».

В то же время упомянутые спецоперации едва ли можно считать геополитическим успехом США: демонстрируя свою способность «наказать» любое государство, геополитический гегемон должен уметь не только начать военную операцию в выбранном регионе, но и быстро — и победно — ее завершить, причем безусловность такой победы должна быть очевидной именно и прежде всего в глазах тех, перед кем демонстрируется военная мощь...

Глобализация локальных конфликтов (или, если угодно, локализация глобальной войны), как и появление «перемигивающихся между собой» политических элит (А.С. Панарин) и превращение их в комбатантов войн нового поколения [Комлева 2009; Комлева, Наронская 2009] — закономерный результат формирования нового кастового общества: чем больше «стираются» территориальные — государственные — границы, тем в большем количестве и тем более жесткие границы пролегают в полях социального пространства. В таких войнах главным российским пограничным ТВД оказывается... федеральный центр, где вырабатываются политические — геополитические — решения в отношении приграничных территорий и пограничного пространства. Заметим в этой связи, что в России типичный для политической элиты как комбатанта геополитический модус²⁶ «власть в обмен на территорию» ведет свой отсчет с Октября 1917 г. [Ильин В.В. 1999], т.е. с этапа

²⁶ Здесь — способ существования, действия.

линейно-пространственной организации приграничных (и пограничных) ТВД.

Возвращаясь к вопросу связности территории как в классическом, так и в неклассическом понимании данного термина, отметим, что такая важнейшая магистраль, как Транссиб, частично проходит по территории другого государства — Республики Казахстан (на участке Транссибирской магистрали между Челябинском и Омском)²⁷ — и это тогда, когда набирает

²⁷ Аналогичным образом железная дорога от Москвы на Ростов-на-Дону через Тулу – Курск – Белгород, частично проходит по территории Украины.

обороты интенсивное широкомасштабное освоения ресурсной базы слабо связанных инфраструктурно с европейской Россией и остающихся «слабо освоенными образно» (Д.Н. Замятин)²⁸ Восточной Сибири и Дальнего Востока, особенно после

²⁸ «Характерно, что геократической энергетике, присущей российской цивилизации в XVIII веке, хватило только на осмысление России как в основном европейской страны; самым последним был риторически и символически захвачен, хотя и не до конца, Урал; Сибирь, Казахстан, Средняя Азия и Дальний Восток, войдя в состав Российской империи, так и не были осмыслены образно», — отмечает Д.Н. Замятин, называя Зауралье «tabula rasa», «геократическим «провалом» Российской империи» [Замятин 2011]. Укажем в этой связи и на специфическое «символическое освоение» Россией Северного Кавказа как «территории войны», причем территории не российской, а чужой.

того, как в сентябре 2009 г. было подписано межправительственное соглашение между Российской Федерацией и КНР [Программа сотрудничества... 2009] (см. также: [О заключении Соглашения... 2011; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики... 2011]), в соответствии с которым строительство трансграничной железнодорожной артерии и в целом развитие транспортной инфраструктуры региона передано китайской стороне (так, 5 апреля 2013 г. агентство РИА Новости сообщило из Владивостока: «Движение автобусов открылось в пятницу по автомобильному мосту, связывающему российский Благовещенск и китайский Хэйхэ, которые стоят на разных берегах реки Амур» [Движение открыто...2013]²⁶). Очевидно, что развитие данного сотрудничества является одновременно и стратегическим вкла-

²⁶ Заметим в этой связи, что о необходимости развития как меридиональной, так и широтной сети железных и автомобильных дорог на Дальнем востоке и в Сибири, прежде всего на границе с Китаем, писал еще в 1909 г. Д.А. Милютин [Милютин 2004], однако Дмитрий Алексеевич писал о развитии транспортной сети самой России (поскольку в отсутствие таковой сети строительство КВЖД становилось небезопасным и неэффективным как экономически, так и политически, а контроль над ней — легко утрачиваемым, что и произошло впоследствии), причем о развитии именно и только с привлечением российского капитала.

дом в развитие поля экономики пограничного пространства КНР, и — учитывая демографический тренд региона — кардинальным изменением всей структуры социального пространства Сибири и Дальнего Востока.

Однако если говорить о транспортной проницаемости территорий, то едва ли не наибольшие риски связаны, на наш взгляд, со строительством трасевразийских транспортных коридоров (рис. 9) и возможной трансформацией в связи с этим структуры полей как пограничного, так и всего социального пространства России.

Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

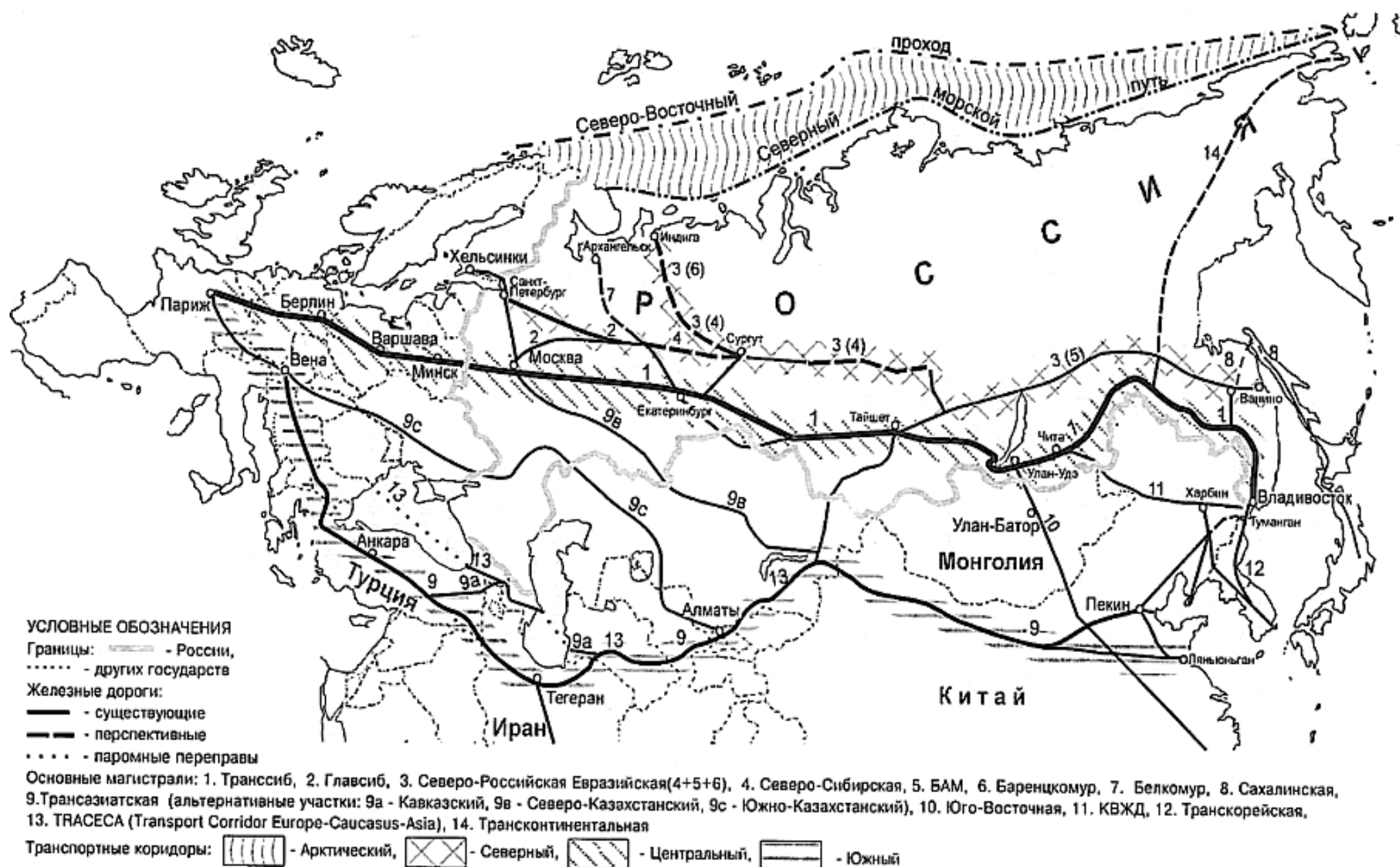

Рис. 9. Транспортные коридоры «Европа — Азия» [Добрецов и др. 2001].

Об организующей (и цивилизующей) функции искусственных транспортных коммуникаций, об их роли в установлении как прямой, так и опосредованной власти над территориями писали В.П. Семенов-Тянь-Шанский и Н.Н. Баранский [Семенов-Тянь-Шанский 1899; Баранский 1956], К. Хаусхофер указывает на «огромное значение понятий "дороги" — римские (via), китайские (tao-dô), о чем напоминает выражение: "All human resolves itself into the building of the roads"» [Хаусхофер 2001, с. 93]²⁸. В свете выделенных нами выше двух базовых типов геополитической экспансии принципиальным представляется

²⁸ Дословно: «Все человеческие дела сводятся к строительству дорог» (англ.).

то, что «дороги теснейшим образом связаны с наиболее глубинными слоями психики людей, так как выступают символом силы, перед которой испокон веков преклонялись не меньше, чем перед конкретными богами, — судьбы. Поэтому можно с уверенностью сказать, что дороги и коммуникации вообще всегда являются "выделенными", акцентированными структурами и социального пространства, и социальной психологии» [Данилевский 2005, с. 52].

В контексте метафизики конфликтующих структур геополитического пространства можно, на наш взгляд, говорить о попытке новой онтологии пространства путем реализации в нем нового глобального «квази-номадического» и в целом уже не исключительно геополитического, но преимущественно цивилизационного проекта. Такой проект представляется выгодным не столько для Евросоюза или азиатских центров силы, сколько для англо-саксонского мира, переходящего от полукольцевого «плана Анаконды» (по Мэхэну — Маккиндеру) к традиционному и потому предположительно более эффективному линейно-сквозному вектору «Римленд — Хартленд» (по Спайкмену) с установлением уже не столько косвенной (контроль), сколько прямой (управление) власти над транспортными коридорами и, тем самым, над всем пространством Евразии (попутно исключая этим самую возможность реализации проекта «мир без Запада»). В этом случае, как представляется, следует говорить об угрозе уже не только полям экономики и политики российского пограничного пространства или даже всему социальному пространству России, но и об угрозе самим культурным образцам Старого Света.

Что же касается России, то в свете упоминавшейся нами выше первой из двух возможных ипостасей концептов дороги / моста — как связывающих между собой два скарализованных места («очага культуры») и поглощающих (уничтожающих) таким образом противостоящий этому месту хаос — весьма опасными, на наш взгляд, являются тиражируемый и возводимый в ранг стратагемы концепт «Россия — мост между Европой и Азией». Очевидно, что единственными «легитимными» культурными центрами в этом случае оказываются лишь соединяемые концы моста (Европа и

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

Азия в лице, соответственно, ЕС и АТЭС), Россия же и Евразия в том смысле, какой вкладывается в это понятие в России, даже при создании на их территории новых (любых) экономических и военно-политических институтов оказываются территориями, предназначенными для поглощения (с помощью в том числе и тех самых «евразийских» институтов). «Удаление» же в этом случае из социального и физического пространства тех или иных групп людей и даже институтов становится процессом перманентным и кажущимся естественным, что делает такой процесс существенно менее дорогостоящим, чем это полагал П. Бурдьё.

Заключение: концептуализация геополитического как «геополитика знания»

В условиях пространственной инфраструктурной организации приграничных и пограничных ТВД задаваться первым из двух «проклятых русских вопросов» («кто виноват?») практически бессмысленно, тем более что «демократические» процедуры надежно анонимизируют процесс не только принятия политического решения, но и узурпации власти (заставляя вспомнить аристотелевское «тиран вырастает из представительства»). Возможен ли в этих условиях сегодня ответ на «второй проклятый русский вопрос» («что делать?»), в том числе и применительно к организации приграничных и пограничных ТВД.

Дело, с нашей точки зрения, представляется не столь пессимистическим, как могло бы показаться на первый взгляд: если нам удалось показать, что геополитика является онтологией социального пространства, то речь должна идти, прежде всего, о выработке адекватных этой онтологии гносеологических оснований, или, спускаясь на уровень принятия решений, концептуализации геополитики как вида человеческой активности, с тем, чтобы, меняя понятийную сетку, изменить образ мира, уточнить или изменить область, направление или способ геополитической деятельности. Это, как мы полагаем, в наибольшей мере соответствует тому, что С.С. Хоружий назвал «стратегией выбора стратегий» [Хоружий 2008].

Сказанное представляется тем более адекватным и актуальным, если учитывать, что все, и геополитические, и цивилизационные, процессы протекают — и воспринимаются субъектами геополитики — в социальных полях в системе координат, заданной модальностями, и описание таковых процессов и территорий соответствующими субъектами, использующими наиболее адекватные, с их точки зрения, элементы семантических полей и все те же названные модальности, и есть язык геополитики, точнее, язык геополитиков, который в ряде случаев принимается за «язык территорий» (С. Лурье и Л. Казарян, В. Страда [Лурье, Казарян 1994; Страда 1995]). Сказанное предполагает, как неоднократно и справедливо указывал Д.Н. Замятин, не только формирование центром структур соответствующих полей на осваиваемых территориях, но и формирование этих полей по собственным культурным (цивилизационным) образцам при одновременно как можно более полном символическом освоении территорий как собственно российских.

Представляется, что именно это и составляет суть процесса формирования «геократии» [Замятин 2011] как способа практической реализации «пространственно-ресурсного» подхода.

Здесь, однако, возникает, казалось бы, закономерный вопрос: не есть ли формирование «геократии» заведомым проигрышем. В самом деле, речь сегодня идет уже о геохронополитике и даже только о хронополитике²⁹ (М.В. Ильин), о «победе

²⁹ «**Хронополитика** — комплекс исследований, посвященных неоднородности исторического и политического времени. Таким образом понимаемое время проникнуто многообразными тенденциями, открывающими в каждый данный момент перед людьми одни политические возможности и минимизирующими другие. Этот комплекс исследований включает в себя: 1) моделирование однонаправленных стадийальных процессов в истории обществ, 2) анализ циклических или волнообразно изменяющихся тенденций в разных сферах жизни обществ» [Цымбурский 2001]. Термин «геохронополитика» не был строго определен его автором М.В. Ильиным — если не считать названия его базовой статьи «Геохронополитика — соединение времен и пространств» [Ильин М.В. 1997] — и остается не определенным строго по сей день.

времени над пространством» — таков, в частности, тезис А.И. Фурсова о том, что экономическая глобализация в силу своей природы (превращения капитала в электронный сигнал) есть процесс, который «оказывается свободен практически от всех ограничений локального и государственного уровня — пространственных, материальных, социальных. Это... победа времени над пространством и, естественно, тех, кто контролирует время (капитал) над теми, кто контролирует пространство (государство)» [Фурсов 2007].

Принципиальным здесь нам представляется то, что во всех вышеназванных случаях речь идет социальном времени (хотя рассматриваются при этом различные поля — поле политики у М.В. Ильина и поле экономики у А. Фурсова), что позволяет описывать само время (социальное) в терминах пространства (социального), как это делали, в частности, Г. Спенсер, прямо указывавший, что «время измеряется единицами пространства» [Спенсер 2006]³⁰,

³⁰ Заметим в этой связи, что хотя К. Шлёгел, назвав свою опубликованную в 2003 г. монографию «В пространстве мы вычитываем время» [Schloegel 2003], имел в виду всего лишь путешествия по культурному пространству города культуролога, обладающего завидной исторической эрудицией, само названное им таким образом эссе может рассматриваться как опыт репрезентации исторического развития локальных полей культуры и политики. Аналогичным образом и «Время мира» Ф. Броделя предстает панорамным обзором истории формирования и взаимодействия глобальных полей экономики, политики и культуры.

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

и отечественный философ и биоморфолог В.Я. Бровар, полагавший, что «время измеряется отношениями» [Бровар 1996, с. 297]. Таким образом, нам представляется, что, во-первых, в терминах геополитического пространства то, о чем говорит А. Фурсов, выглядит скорее как скорость и интенсивность процессов в глобальном и локальных полях экономики и политики (выраженная в скорости движения капитала). Во-вторых, описываемый М.В. Ильиным феномен одновременного существования (геополитических) локусов различных «политических времен», то этот эффект, связанный, на наш взгляд, с различием структур (а, следовательно, и скоростей и интенсивности) в различных локальных полях политики, экономики и культуры, отмечался еще в первой половине XX в. В.Я. Броваром, высказавшим тезис о разновременности «однорядковых» (однопорядковых) объектов (имеющих разные судьбы и, тем самым, пребывающих в разных временах) и одновременности «разнокачественных» (разнопорядковых) объектов (при сведении формирующих новый объект со своим временем) [Бровар 1996].

Итак, «геократия» (как стратегия выбора стратегии) возможна — и возможна в том числе как форма власти одновременно и над пространством, и над временем (точнее, власти над временем постольку, поскольку власти над пространством).

Возможна ли, однако, как таковая инфраструктурная организация российских приграничных ТВД, когда театром войны становится все социальное пространство? И сможет ли организация приграничных ТВД выполнять свою исторически сформировавшуюся функцию — быть преградой на путях новых нашествий, угрожающих разрушением культурным центрам и культурным образцам? Мы начинали свою статью с определения пространства, полагая, что именно это поможет нам концептуализировать деятельность по защите и охране рубежей этого пространства, каковой мы и считали (и считаем) организацию приграничных ТВД и в целом пограничного пространства России. В поисках ответа на собственные заключительные вопросы также обратимся к определению — на сей раз категории «инфраструктура»: «Инфраструктура — комплекс производственных и непроизводственных отраслей и сфер деятельности, обеспечивающих процесс и условия воспроизводства» [Словарь финансовых терминов... <http://finansovye-terminy.slovaronline.com/I/702-INFRASTRUKTURA>], «комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур, составляющих и/или обеспечивающих основу для решения проблемы (задачи)» [Финансовый словарь Финам... <http://dictionary.finam.ru/dictionary/wordf00282/default.asp>]. До тех пор, пока власти — чтобы быть таковой — будут требоваться территориальные, человеческие, организационные и информационные ресурсы, проблема территориальных и пространственных границ возможностей использовать эти ресурсы будет эволюционировать, требуя на каждом новом уровне адекватного обеспечения решения соответствующих задач, — иными словами, концептуализации этого решения превращением такового в комплекс знания о сущности проблемы и понимания путей ее решения.

Превращение знания в инфраструктуру власти произошло, по-видимому, с возникновением последней, и, начиная с эпохи античности (с платоновского «Государства»), осознание данного факта неизменно воплощалось (от Сен-Симона до современного неотехнократизма) как в идее общества, управляемого носителями знания, так и в разработке стратегий и технологий такого управления / манипулирования. Однако никогда прежде *сами поля образования, науки и информации* не превращались в инструмент и технологическую составляющую реализации «реального суверенитета» — того самого поствестфальского суверенитета «по факту контроля», о котором мы говорили в начале данной статьи (что не меняет сущности формулы К. Шмитта «сувереном является тот, кому принадлежит право объявления войны» [Шмитт 2000, 2005, 2006]: в постклассическую эпоху сувереном является тот, кому принадлежит право — и стратегия — выбора стратегий войны в соответствующих полях социального пространства).

Таким образом, современная геополитика становится «геополитикой знания» (где знание есть категория), предполагающей, что организация геополитического пространства есть прежде всего организация знания в соответствующих социальных полях (что и является, на наш взгляд, содержательной стороной процессов какой бы то ни было модернизации [Иванова 2007]), а инфраструктурная организация пограничного пространства и, тем более, приграничных ТВД — еще и организация знания об их территориальной и пространственной сущности и концептуализация соответствующей деятельности — от политической до оперативной. Заметим в этой связи, что именно концептуализация информации о ресурсах геополитических акторов (т.е. в широком смысле концептуализация геополитического) обеспечивает знание о том, какие операции выполняются для множества элементов — социальных полей и спатIALIZEDированных ими территорий того или иного сегмента геополитического пространства, а также об изменении структуры соответствующих полей и характера их взаимодействия.

Мы неоднократно отмечали, что сегодня воспроизводство всех видов ресурсов обеспечивается адекватным знанием о них и приращением этого знания — повторим это снова, имея ввиду знания о структуре полей пограничного пространства, о формах и способах его преобразования в физическое пространство, а также о всех препятствующих этому практиках геополитических конкурентов и семантических формах проявления этих практик. Потому что именно такие знания как форма инфраструктурной организации современных российских приграничных ТВД позволяют сегодня искать (и, соответственно, находить) способы увеличения размерности «пространства событий» в российском социальном пространстве, как это требует теория катастроф, «хотя бы на единицу».

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. О заключении Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о продолжении сотрудничества в энергетической сфере. Постановление Правительства РФ N 500 от 07.07.2000. (Текст документа по состоянию на июль 2011 года) // Электронная правовая база КонсультантПлюс, 2011.
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в совместном освоении лесных ресурсов. (Заключено в г. Пекине 03.11.2000) // Электронная правовая база КонсультантПлюс, 2011.
3. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 годы). Подписана в Пекине 23 сентября 2009 г. // Saha News. 17-10-2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.1sn.ru/35602.html>.
4. Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Опыт развития прикладной политологии в России // Полис. 1998. № 3. С. 157—167.
5. Артёмовский рубеж: Хронологическая справка, или основные моменты истории 1 УР ТОФ. 2013. 8 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://morpeh.ru/archives/2017>
6. Аристотель. Физика // Аристотель. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981.
7. Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990.
8. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географгиз. 1956.
9. Барма Н., Вебер С., Ратнер Э. Мир без Запада // Россия в глобальной политике. 2008. № 4, Июль – Август. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11160
10. Батурин В.К. Теоретико-методологические проблемы современной геополитики: от планиметрии к стереометрии // I Международная конференция «Геополитика: теория, история, практика»: Сб. трудов. М.: АНО Научно-издательский Центр ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ, 2012. С. 42—45.
11. Бауманн З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004.
12. Бауманн З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
13. Беляева Т. Зеленые стены России // Наука и жизнь. 2004. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3522/>
14. Бестужев-Лада И. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112—122.
15. Богданов А.А. Очерки всеобщей организационной науки. Самара, 1921. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/bogdanov.ru.html>
16. Большой экономический словарь / Сост. А. Борисов. М.: Книжный мир, 2010.
17. Большой юридический словарь / Под ред. А. Сухарева. М.: Инфра-М, 2009.
18. Бровар В.Я. Теория научного знания. М.: Научно-издат. объединение «Квартет», 1996.
19. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Сост., пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005 а.
20. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Burd/01.php
21. Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005 б.
22. Владимирова А.И. Стратегия «организованного хаоса». 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Strat_org_haos.htm
1. O zaklyuchenii Soglasheniya mezhdou Pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsii i Pravitel'stvom Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o prodolzhenii sotrudnichestva v energeticheskoi sfere. Postanovlenie Pravitel'stva RF N 500 ot 07.07.2000. (Tekst dokumenta po sostoyaniyu na iyul' 2011 goda). In: Elektronnyaya pravovaya baza Konsul'tantPlyus, 2011.
2. Soglashenie mezhdou Pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsii i Pravitel'stvom Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o sotrudnichestve v sovmestnom osvoenii lesnykh resursov. (Zaklyucheno v g. Pekine 03.11.2000). In: Elektronnyaya pravovaya baz Konsul'tantPlyus, 2011.
3. Programma sotrudnichestva mezhdou regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoi Sibiri Rossiiskoi Federatsii i Severo-Vostoka Kitaiskoi Narodnoi Respubliki (2009—2018 gody). Podpisana v Pekine 23 sentyabrya 2009 g. Saha News. 17-10-2009. URL: <http://www.1sn.ru/35602.html>.
4. Amelin V.N., Degtyarev A.A. (1998). Opyt razvitiya prikladnoi politologii v Rossii. Polis. N 3. Pp. 157—167.
5. Artemovskii rubezh: Khronologicheskaya spravka, ili osnovnye momenty istorii 1 UR TOF. 2013. 8 iyunya. URL: <http://morpeh.ru/archives/2017>
6. Aristotel'. (1981). Fizika. In: Aristotel'. (1981). Sobr. soch. V 4 t. T. 3. Mysl', Moskva.
7. Arnol'd V.I. (1990). Teoriya katastrof. Nauka, Moskva.
8. Baranskii N.N. (1956). Ob ekonomiko-geograficheskom izuchenii gorodov. In: Ekonomicheskaya geografiya. Ekonomicheskaya kartografiya. Geografiz, Moskva.
9. Barma N., Veber S., Ratner E. (2008). Mir bez Zapada. Rossiya v global'noi politike. N 4, Iyul' - Avgust. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11160
10. Baturin V.K. (2012). Teoretiko-metodologicheskie problemy sovremennoi geopolitiki: ot planimetrii k stereometrii. In: I Mezhdunarodnaya konferentsiya «Geopolitika: teoriya, istoriya, praktika»: Sb. trudov. ANO Nauchno-izdatel'skii Tsentr PROSTRANSTVO I VREMYa, Moskva. Pp. 42—45.
11. Baumann Z. (2008a). Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva. Ves' Mir, Moskva.
12. Baumann Z. (2008b). Tekuchaya sovremennost'. Piter, S-Peterburg.
13. Belyaeva T. (2004). Zelenye steny Rossii. Nauka i zhizn'. N 5. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3522/>
14. Bestuzhev-Lada I. (1997). Retroal'ternativistika v filosofii istorii // Voprosy filosofii. N 8. Pp. 112—122.
15. Bogdanov A.A. (1921). Ocherki vseobshchei organizatsionnoi nauki. Samara. URL: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/bogdanov.ru.html>
16. Bol'shoi ekonomicheskii slovar'. Sost. A. Borisov. Knizhnyi mir, Moskva. 2010.
17. Bol'shoi yuridicheskii slovar'. Pod red. A. Sukhareva. Infra-M, Moskva2009.
18. Brovar V.Ya. (1996). Teoriya nauchnogo znaniya. Nauchno-izdat. ob"edinenie «Kvartet», Moskva.
19. Burd'e P. (2005a). Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki. Sost., per. s fr. i poslesl. N.A. Shmatko. Aleteiya, S-Peterburg.
20. Burd'e P. (1993). Sotsiologiya politiki: Per. s fr. Sost., obshch. red. i predisl. N.A. Shmatko. Socio-Logos, Moskva. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Burd/01.php
21. Burd'e P. (2005b). Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. Per. s frants. In-t eksperimental'noi sotsiologii, Moskva; Aleteiya, S-Peterburg.
22. Vladimirov A.I. (2009). Strategiya «organizovannogo khaosa». URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Strat_org_haos.htm

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

23. Винокур Г.О., Ларин Б.А., Ожегов С.И., Томашевский Б.В., Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Ушакова Д.Н. Изд. 2-е. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1947—1948. Т. 3.
24. Гайдено В.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в средние века. М.: Наука, 1989. (Библиотека всемирной истории естествознания).
25. Гареев М.А. Если завтра война... // Армейский сборник. 2003. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.soldiering.ru/war/war.php>
26. Геворкян С.Г. Древняя Армения и эллинистический мир. Часть 2 // Пространство и Время. 2012. № 3(9). С. 137—145.
27. Географический энциклопедический словарь: Понятия и термины / Трешников А.Ф., Алаев Э.Б., Алампиев П.М. М.: Советская Энциклопедия, 1988.
28. Геттнер А. География: ее история, сущность и методы / Под ред. Баранского Н.Н. Л. – М.: Государственное изд-во, 1930.
29. Градостроительство Московского государства XVI—XVII веков / Под общей ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1994.
30. Гринкевич Ю.В. Восприятие пространства в русскоязычной и англоязычной культурах (на материале пространственно-геометрических концептов круг и квадрат). Автореф. дисс. ... канд. культурологии. М.: МГУ, 2006
31. Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.: ИПИРАН, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ipiran.ru/publications/publications/grinchenko/book_2.
32. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. История Человечества: модели периодизации // Вестник РАН. 2010. № 12. С. 1076—1084.
33. Гумбольдт А. Картины природы / Пер. с нем. Т.И. Коншиной под ред. С.В. Обручева. М.: Географгиз, 1959.
34. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб. — М.: Изд-е книгопродавца типографа М.О. Вольфа. 1882. Репринт. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955—1956. Т. 3: П. М., 1955.
35. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб. — М.: Изд-е книгопродавца типографа М.О. Вольфа. 1882. Репринт. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955—1956. Т. 4: Р—У. М., 1956.
36. Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательно-го: Квантовоподобная социальная реальность. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2005.
37. Движение открыто по международному мосту Благовещенск — Хэйхэ // РИА Новости. 2013. 5 апреля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/society/20130405/931060279.html#ixzz2VrSPDIz>.
38. Демин А.И. Парадигма дуализма: Пространство — время, информация — энергия. М.: ЛКИ, 2007. (Relata Refero).
39. Добрецов Н.А., Конторович А.Э., Кулешов В.В. Стратегические точки роста и проблемы государственной значимости в Сибири // Вестник РАН. 2001. Т. 71. № 10. С. 867—885.
40. Докторович А.Б. Основы теории моделирования социальных взаимодействий, отношений и полей // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 55—65.
41. Докторович А.Б. Социальные взаимодействия и отношения как фактор развития социального потенциала // Труд и социальные отношения. 2008. № 9 (5). С. 4—13.
42. Докторович А.Б. Формализованное описание и классификация социальных действий, взаимодействий и отношений // Пространство и Время. 2011. № 2(4). С. 48—57.
43. Документы и материалы Второй мировой войны. 1937—1939. М.: Политиздат, 1981.
44. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013.
45. Дугин А.Г. Трансформация социальной структуры общества в контексте социологии воображения: Автореф. дисс. ... д. социол. наук. Ростов-на-Дону: Юж. федер. ун-т, 2011.
23. Vinokur G.O., Larin B.A., Ozhegov S.I., Tomashevskii B.V., Ushakov D.N. (1948). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* Pod red. Ushakova D.N. Izd. 2-e. Gosudarstvennyi institut «Sovetskaya entsiklopediya»; OGIZ; Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1947—1948. T. 3. Moskva.
24. Gaidenko V.P., Smirnov G.A. (1989). *Zapadnoevropeiskaya nauka v srednie veka.* Nauka, Moskva. (Biblioteka vseмирnoy istorii estestvoznaniya).
25. Gareev M.A. (2003). *Esli zavtra voina...* Armeiskii sbornik. N 4. URL: <http://www.soldiering.ru/war/war.php>
26. Gevorkyan S.G. (2012). *Drevnyaya Armeniya i ellinisticheskii mir. Chast' 2.* Prostranstvo i Vremya. N 3(9). Pp. 137—145.
27. *Geograficheskii entsiklopedicheskii slovar': Ponyatiya i terminy.* Treshnikov A.F., Alaev E.B., Alampiev P.M. Sovetskaya Entsiklopediya, Moskva. 1988.
28. Gettner A. (1930). *Geografiya: ee istoriya, sushchnost' i metody.* Pod red. Baranskogo N.N. Gosudarstvennoe izd-vo, Leningrad-Moskva.
29. *Gradostroitel'stvo Moskovskogo gosudarstva XVI — XVII vekov.* Pod obshchei red. N.F. Gulyanitskogo. Stroiizdat, Moskva. 1994.
30. Grinkevich Yu.V. (2006). *Vospriyatie prostranstva v russko-yazychnoi i angloyazychnoi kul'tu-rakh (na materiale prostranstvenno-geometricheskikh kontseptov krug i kvadrat).* Avto-ref. diss. ...kandidata kul'turologii. MGU, Moskva.
31. Grinchenko S.N. (2007). *Metaevolyutsiya (sistem nezhivoi, zhivoi i sotsial'no-tekhnologicheskoi prirody).* IPIRAN, Moskva. URL: http://www.ipiran.ru/publications/publications/grinchenko/book_.
32. Grinchenko S.N., Shchapova Yu.L. (2010). *Istoriya Chelovechestva: modeli periodizatsii.* Vestnik RAN. N 12. Pp. 1076—1084.
33. Gumbol'dt A. (1959). *Kartiny prirody.* Per. s nem. T.I. Konshinoi pod red. S.V. Obrucheva. Geografgiz, Moskva.
34. Dal' V.I. (1955). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* Izd-e knigoprodavtsa tipografa M.O. Vol'fa. S-Peterburg — Moskva. 1882. Reprint. Gosudarstvennoe izdatel'-stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1955—1956. T. 3: P. Moskva, 1955.
35. Dal' V.I. (1956). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* Izd-e knigoprodavtsa tipografa M.O. Vol'fa. S-Peterburg — Moskva. 1882. Reprint. Gosudarstvennoe izdatel'-stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1955—1956. T. 4: R—U. Moskva, 1956.
36. Danilevskii I.V. (2005). *Struktury kollektivnogo bessoznatel'nogo: Kvantovopodobnaya sotsial'naya real'nost'.* Izd. 2-e, ispr. i dop. KomKniga, Moskva.
37. *Dvizhenie otkryto po mezhduнародnomu mostu Blagoveshchensk — Kheikhe.* On: RIA Novosti. 2013. 5 aprelya. URL: <http://ria.ru/society/20130405/931060279.html#ixzz2VrSPDIzo>.
38. Demin A.I. (2007). *Paradigma dualizma: Prostranstvo — vremya, informatsiya — energiya.* LKI, Moskva. 2007. (Relata Refero).
39. Dobretsov N.A., Kontorovich A.E., Kuleshov V.V. (2001). *Strategicheskie tochki rosta i problemy gosudarstvennoi znachimosti v Sibiri.* Vestnik RAN. T. 71. N 10. Pp. 867—885.
40. Doktorovich A.B. (2010). *Osnovy teorii modelirovaniya sotsial'nykh vzaimodeistvii, otnoshenii i polei.* Prostranstvo i Vremya. N 2. Pp. 55—65.
41. Doktorovich A.B. (2008). *Sotsial'nye vzaimodeistviya i otnosheniya kak faktor razvitiya so-tsial'nogo potentsiala.* Trud i sotsial'nye otnosheniya. N 9 (5). Pp. 4—13.
42. Doktorovich A.B. (2011). *Formalizovannoe opisaniye i klassifikatsiya sotsial'nykh deistvii, vzaimodeistvii i otnoshenii.* Prostranstvo i Vremya. N 2(4). Pp. 48—57.
43. *Dokumenty i materialy Vtoroi mirovoi voiny. 1937—1939.* Politizdat, Moskva. 1981.
44. Dugin A.G. (2013). *Teoriya mnogopolyarnogo mira.* Evraziiskoe dvizhenie, Moskva.
45. Dugin A.G. (2011). *Transformatsiya sotsial'noi struktury obshchestva v kontekste sotsiologii voobrazheniya: Avtoref. diss. ... d. sotsiol. nauk.* Yuzh. feder. un-t, Rostov-na-Donu.

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

46. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 3. М.: АСТ, СПб.: Астрель, Мн: Харвест, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253748/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F>
47. Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск: Изд-во «Урал LTD», 1999.
48. Замятин Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Научный Эксперт. Научный электронный журнал. 2011. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusrand.ru/text/Jornal4_2011.pdf.
49. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
50. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Модели политического пространства // Полис. 1999. № 4. С. 29—42.
51. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Пространство российского федерализма // Полис. 2000. № 5. С. 98—110.
52. Иванова С.В. Образование в организационно-гуманистическом измерении: Монография. М.: РУДН, 2007.
53. Ильин В.В. Политология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
54. Ильин М.В. Геохронополитика — соединение времен и пространств // Вести. Моск. Ун-та. Сер. 12: Политические науки. 1997. № 2. С. 28—44.
55. Каминский В. Долговременный сухопутный фронт СССР (1927—1939) // Редут. Военно-инженерный журнал. 2006. № 1. С. 16—30.
56. Каминский В., Александров В. «Линия Сталина»: величие и трагедия // Во Славу Родины! 2002. 16 ноября.
57. Китай берет под контроль российские СМИ, — мнение эксперта: интервью с А. Аладиным // Новый Регион — Москва. 2010. 7 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.urfo.org/moskow/interview/290981.html/print/>
58. Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934.
59. Клементьев В.В. Военное ведомство в охране границ Российской империи. М.: Академия ФПС России, 2002.
60. Колмогоров А.Н., Юшкевич А.П. (ред.). Математика XIX века. Геометрия. Теория аналитических функций. М.: Наука, 1981.
61. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.
62. Комлева Н.А. Идеологическая граница как предел идеологического пространства: сущность, специфика и технологии защиты // Пространство и Время. 2010. № 1. С. 22—26.
63. Комлева Н.А. Политическая элита как комбатант сетевых войн // V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: Стратегии, институты, акторы». Тезисы докладов. Москва, 20—22 ноября 2009 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. С. 215.
64. Комлева Н.А. Структура мирового господства // Пространство и Время. 2012. № 1 (7). С. 37—46.
65. Комлева Н.А. Наронская А.Г. Политическая элита как комбатант // Международная Академия Дискурс Исследований. 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=106&Itemid=95
66. Кордонский С. Вариант исчисления административных весов в исполнительной и представительной иерархиях власти // Кентавр. 1995. № 2. С. 51—64;
67. Кордонский С. Вариант исчисления административных весов в исполнительной и представительной иерархиях власти // Кентавр. 1995. № 3. С. 50—58.
68. Королев С. Поглощение пространства. Геополитическая утопия как жанр исторического действия // Дружба Народов. 1997. №12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1997/12/korolev-pr.html>
69. Кузьмин В.И., Пронина Е.Н., Галуша Н.А. Ресурсная геополитика. В 2 ч. М.: Академия военных наук, Институт политического и военного анализа, 2000—2001.
70. Курош А.Г. Курс высшей алгебры. М.: Наука, 1968.
46. Efremova T.F. (2006). Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. V 3 t. T. 3. AST, Moskva; Astrel', S-Peterburg; Kharvest, Minsk. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253748/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F>
47. Zhyul'en N. (1999). Slovar' simvolov. Izd-vo «Ural LTD», Chelyabinsk.
48. Zamyatin D.N. (2011). Geokratiya. Evraziya kak obraz, simvol i proekt rossiiskoi tsivilizatsii. In: Nauchnyi Ekspert. Nauchnyi elektronnyi zhurnal. N 4. URL: http://www.rusrand.ru/text/Jornal4_2011.pdf.
49. Zamyatin D.N. (2006). Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov. Znak, 2006.
50. Zamyatin D.N., Zamyatina N.Yu. (1999). Modeli politicheskogo prostranstva. Polis. N 4. Pp. 29—42.
51. Zamyatin D.N., Zamyatina N.Yu. (2000). Prostranstvo rossiiskogo federalizma. Polis. N 5. Pp. 98—110.
52. Ivanova S.V. (2007). Obrazovanie v organizatsionno-gumanisticheskom izmerenii: Monografiya. RUDN, Moskva.
53. Il'in V.V. (1999). Politologiya. Izd-vo Mosk. un-ta, Moskva.
54. Il'in M.V. (1997). Geokhronopolitika — soedinenie vremen i prostranstv. Vesti. Mosk. Un-ta. Ser. 12: Politicheskie nauki. N 2. Pp. 28—44.
55. Kaminskii V. (2006). Dolgovremennyi sukhoputnyi front SSSR (1927—1939). Redut. Voenno-inzhenernyi zhurnal. N 1. Pp. 16—30.
56. Kaminskii V., Aleksandrov V. (2002). «Liniya Stalina»: velichie i tragediya. Vo Slavu Rodiny! 16 noyabrya.
57. Kitai берет под kontrol' rossiiskie SMI, — mnenie eksperta: interv'yu s A. Aladinym. On: Novyi Region — Moskva. 2010. 7 iyulya. URL: <http://lenta.urfo.org/moskow/interview/290981.html/print/>
58. Klauzevits K. (1934). O voine. Gosvoenizdat, Moskva.
59. Klement'ev V.V. (2002). Voennoe vedomstvo v okhrane granits Rossiiskoi imperii. Akademiya FPS Rossii, Moskva.
60. Kolmogorov A.N., Yushkevich A.P., red. (1981). Matematika XIX veka. Geometriya. Teoriya analiticheskikh funktsii. Nauka, Moskva.
61. Kolosov V.A., Mironenko N.S. (2001). Geopolitika i politicheskaya geografiya. Aspekt Press, Moskva.
62. Komleva N.A. (2010). Ideologicheskaya granitsa kak predel ideologicheskogo prostranstva: sushchnost', spetsifika i tekhnologii zashchity. Prostranstvo i Vremya. N 1. Pp. 22—26.
63. Komleva N.A. (2009). Politicheskaya elita kak kombatant setevykh voin. In: V Vserossiiskii kongress politologov «Izmeneniya v politike i politika izmenenii: Strategii, instituty, aktory». Tezisy dokladov. Moskva, 20—22 noyabrya 2009 g. Rossiiskaya assotsiatsiya politicheskoi nauki, Moskva. P. 215.
64. Komleva N.A. (2012). Struktura mirovogo gospodstva. Prostranstvo i Vremya. N 1 (7). Pp. 37—46.
65. Komleva N.A. Naronskaya A.G. (2009). Politicheskaya elita kak kombatant. On: Mezhdunarodnaya Akademiya Diskurs Issledovaniy. URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=106&Itemid=95
66. Kordonskii S. (1995). Variant ischisleniya administrativnykh vesov v ispolnitel'noi i predstavitel'noi ierarkhiyakh vlasti. Kentavr. N 2. Pp. 51—64;
67. Kordonskii S. (1995). Variant ischisleniya administrativnykh vesov v ispolnitel'noi i predstavitel'noi ierarkhiyakh vlasti. Kentavr. N 3. Pp. 50—58.
68. Korolev S. (1997). Pogloshchenie prostranstva. Geopoliticheskaya utopiya kak zhanr istoricheskogo deistviya. Druzhba Narodov. N 12. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1997/12/korolev-pr.html>
69. Kuz'min V.I., Pronina E.N., Galusha N.A. (2000—2001). Resursnaya geopolitika. V 2 ch. Akademiya voennykh nauk, Institut politicheskogo i voennogo analiza, Moskva.
70. Kurosh A.G. (1968). Kurs vysshei algebrы. Nauka, Moskva.

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

71. Лаппо Г.М. География городов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
72. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: Мысль, 1984.
73. Лексин В.Н. Проблемное поле территориального развития в современной России // Центр и регионы в системе государственного управления. Материалы научного семинара. Вып. 4(34). М.: Научный эксперт, 2010.
74. Ленг С. Алгебра. М.: Мир, 1968.
75. Лefeвр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 27—29.
76. Лefeвр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 2 (70). С. 3—14.
77. Лурье С., Казарян Л. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 85—97. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svlourie.narod.ru/imperium/geopolitiks.htm>
78. Максаковской В.П. Историческая география мира. М.: Экспресс, 1999.
79. Мальцев А.И. Основы линейной алгебры. М.: Наука, 1970.
80. Маляров В.Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны: Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941—1945 гг. СПб.: УВИТУ, 2000.
81. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987.
82. Месснер Е. Лик современной войны // Российский военный сборник. Вып. 16: Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции / Сост. И.В. Домнин. М.: Военный Университет, Русский путь, 1999. С. 370—413.
83. Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. Июль – Август. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11151
84. Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России // Русско-японская война, 1904—1905: Взгляд через столетие. М.: М.А. Колеров; Изд-во «Три квадрата», 2004.
85. Модальность // БСЭ: В 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969—1978. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article077378.html>
86. Модальность // Википедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki_Модальность
87. Молчанов А.М. Возможная роль колебательных процессов в эволюции // Колебательные процессы в биологических и химических системах. М.: Наука, 1967. С. 274—288.
88. Нарочницкая Н. Россия и русские в современном мире. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011.
89. Национальная безопасность: актуальные проблемы: Курс лекций / Руководитель авт. коллектива и отв. ред. Шаваев А.Х. М.: ВАГШ, 1999.
90. Никулин Д.В. Пространство и время в метафизике XVII века. Новосибирск: Наука, 1993.
91. Никулин Д.В. Пространство // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2470.html>
92. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1992.
93. Организация // БСЭ. В 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969—1978. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article084795.html>
94. Официальный сайт ОАО «АК Транснефть». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.transneft.ru/objectdata/WebPageImpl/3658/vsto200.jpg>
95. Панарин А.С. Глобализм как единственно верное учение. Из выступления А.С. Панарина на международном факультете Иркутского технического университета в Дни русской духовности и культуры «Сияние России» 10 октября 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filgrad.ru/texts/panarin/panarin51.htm>
71. Lappo G.M. (1997). Geografiya gorodov. Gumanit. izd. tsentr VLADOS, Moskva.
72. Levi-Stross K. (1984). Pechal'nye tropiki. Mysl', Moskva.
73. Laksin V.N. (2010). Problemnoe pole territorial'nogo razvitiya v sovremennoi Rossii. Tsentr i regiony v sisteme gosudarstvennogo upravleniya. Materialy nauchnogo seminara. Vyp. 4(34). Nauchnyi ekspert, Moskva.
74. Leng S. (1968). Algebra. Mir, Moskva.
75. Lefevr A. (2002). Proizvodstvo prostranstva. Sotsiologicheskoe obozrenie. T. 2. N 3. Pp. 27—29.
76. Lefevr A. (2010). Sotsial'noe prostranstvo. Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture. N 2 (70). Pp. 3—14.
77. Lur'e S., Kazaryan L. (1994). Printsipy organizatsii geopoliticheskogo prostranstva (vvedenie v problemu na primere Vostochnogo voprosa). Obshchestvennye nauki i sovremennost'. N 4. Pp. 85—97. URL: <http://svlourie.narod.ru/imperium/geopolitiks.htm>
78. Maksakovskoi V.P. (1999). Istoricheskaya geografiya mira. Ekopros, Moskva.
79. Mal'tsev A.I. (1970). Osnovy lineinoi algebry. Nauka, Moskva.
80. Malyarov V.N. (2000). Stroitel'nyi front Velikoi Otechestvennoi voiny: Sozdanie strategicheskikh rubezhei i platsdarmov dlya obespecheniya oboronitel'nykh operatsii vooruzhennykh sil v gody voiny 1941—1945 gg. UVITU, S-Peterburg.
81. Maslov Yu.S. (1987). Vvedenie v yazykoznanie. Vysshaya shkola, Moskva.
82. Messner E. (1999). Lik sovremennoi voiny. In: Rossiiskii voennyi sbornik. Vyp. 16: Voennaya mysl' v izgnanii. Tvorchestvo russkoi voennoi emigratsii. Sost. I.V. Domnin. Voennyi Universitet, Russkii put', Moskva. Pp. 370—413.
83. Miller A. (2008). Istoriya imperii i politika pamyati. Rossiya v global'noi politike. N 4. Iyul' – Avgust. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11151
84. Milyutin D.A. (2004). Starcheskie razmyshleniya o sovremennom polozhenii voennogo dela v Rossii. In: Russko-yaponskaya voina, 1904—1905: Vzglyad cherez stoletie. M.A. Kolerov; Izd-vo «Tri kvadrata», Moskva.
85. Modal'nost'. In: BSE. V 30 t. 3-e izd. Sovetskaya entsiklopediya, Moskva. 1969—1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article077378.html>
86. Modal'nost' // Vikipediya. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki_Modal'nost'
87. Molchanov A.M. (1967). Vozmozhnaya rol' kolebatel'nykh protsessov v evolyutsii. In: Kolebatel'nye protsessy v biologicheskikh i khimicheskikh sistemakh. Nauka, Moskva. 1967. Pp. 274—288.
88. Narochnitskaya N. (2011). Rossiya i russkie v sovremennom mire. Eksmo, Algoritm, Moskva.
89. Natsional'naya bezopasnost': aktual'nye problemy: Kurs lektsii. Rukovoditel' avt. kollektiva i отв. red. Shavaev A.Kh. VAGSh, Moskva. 1999.
90. Nikulin D.V. (1993). Prostranstvo i vremya v metafizike XVII veka. Nauka, Novosibirsk.
91. Nikulin D.V. (2010). Prostranstvo. In: Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. Pod red. V.S. Stepina. Mysl', Moskva. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2470.html>
92. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1992). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Izd-vo «Az'», Moskva.
93. Organizatsiya. In: BSE. V 30 t. 3-e izd. Sovetskaya entsiklopediya, Moskva. 1969—1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article084795.html>
94. Ofitsial'nyi sait OAO «AK Transneft'». URL: <http://www.transneft.ru/objectdata/WebPageImpl/3658/vsto200.jpg>
95. Panarin A.S. (2001). Globalizm kak edinstvenno vernoe uchenie. Iz vystupleniya A.S. Panarina na mezhdunarodnom fakul'tete Irkutskogo tekhnicheskogo universiteta v Dni russkoi dukhovnosti i kul'tury «Siyanie Rossii» 10 oktyabrya 2001 g. URL: <http://filgrad.ru/texts/panarin/panarin51.htm>

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

96. Платон. Тимей / Пер. С.С. Аверинцева // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. (Философское наследие. Т. 117).
97. Политическая наука: Словарь-справочник / Сост. Санжаревский И.И., д. полит. н., проф. Тамбов, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://glos.virmk.ru/01_o.htm
98. Попова А. Геоинформационное картографическое моделирование инженерно-геокриологических условий севера Тимано-Печорской нефтегазонасной провинции по верхнему горизонту криолитозоны. Дисс. ... к. геолого-мин. наук. Тюмень: Институт криосферы Земли СО РАН, 2012.
99. Пырин А.Г. Объект и предмет геокосмополитики // *Пространство и Время*. 2011. № 4(6). С. 20—22.
100. Рассел Б. Исследование значения и истины / Общ. науч. ред. и примеч. Е.Е. Ледникова. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуал. кн., 1999.
101. Рассел Б., Уайтхед А. Основания математики: В 3 т. / Пер. Ю.Н. Радаев, А.В. Ершов, Р.А. Ревинский, И.С. Фролов. Т. 1. Самара: Изд-во Самарского университета, 2005.
102. Регионы России. Основные социально-экономические показатели: Статистический сборник. М.: Росстат, 2000—2012.
103. Ресурс // *Идеографический словарь русского языка* / Баранов О.С. М.: Изд-во ЭТС, 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ideographic.academic.ru/706/%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81>
104. Риттер К. О пространственных отношениях на поверхности земного шара и их влиянии на ход исторического развития человечества // *Полис*. 2005. № 2. С. 102—114.
105. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1396/%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5>
106. Российским городам грозит запустение // *Новости.Mail.ru*. 2011. 8 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.mail.ru/society/6080548/?frommail=1>
107. Россия на выборах: уроки и перспективы. Политгеографический анализ / Под ред. В.А. Колосова. М.: ЦТП, 1995.
108. Рябушев С.А. Логика и «Ледокол» // *Военная литература*, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/ryabyshev_sa/01.html
109. Сараф М.Я. Измерение культурного пространства // *Пространство и Время*. 2013. № 1(11). С. 58—68.
110. Свечин А.А. Стратегия. М.: Военный вестник, 1927. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/svechin1/index.html>
111. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Пути сообщения // *Россия: Полное географическое описание нашего Отечества Настольная и дорожная книга для русских людей* / Под ред. В.П. Семенова (Тянь-Шанского) и под общ. рук. П.П. Семенова и акад. В.И. Ламанского. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1899. Т. 1: Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. С. 186—208.
112. Сивков К. Кризис и всемирная ресурсная борьба // *Военно-промышленный курьер*. 2012. № 50 (467). 19 декабря.
113. Сила // *Википедия. Интернет-энциклопедия*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BB%D0%B0#cite_ref-1
114. Силовое поле // *Энциклопедия физики и техники*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.femto.com.ua/articles/part_2/3627.html
115. Слипченко В. Анализ военной кампании НАТО против Югославии весной 1999 года // *Независимое военное обозрение*. 1999. № 25 (148). 2 июля.
116. Слипченко В. Война будущего (Концептуально-прогностический анализ) // *Безопасность: Информационный сборник*. 1997. № 7—9. Июль—сентябрь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-reading.mobi/book.php?book=112810>
117. Слипченко В. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002.
96. Platon (1994). *Timei*. Per. S.S. Averintseva. In: Platon. (1994). *Sobr. soch.:* V 4 t. T. 3. Mysl', Moskva. (Filosofskoe nasledie. T. 117).
97. *Politicheskaya nauka: Slovar'-spravochnik*. Sost. Sanzharevskii I.I., d. polit. n., prof. Tambov, 2010. URL: http://glos.virmk.ru/01_o.htm
98. Popova A. (2012). *Geoinformatsionnoe kartograficheskoe modelirovanie inzhenerno-geokriologicheskikh uslovii severa Timano-Pechorskoi neftegazonosnoi provintsii po verkhnemu gorizontu kriolitozony*. Diss. ... k. geologo-min. nauk. Institut kriosfery Zemli SO RAN, Tyumen'.
99. Pyrin A.G. (2011). *Ob"ekt i predmet geokosmopolitiki*. *Prostranstvo i Vremya*. N 4(6). Pp. 20—22.
100. Rassel B. (1999). *Issledovanie znacheniya i istiny*. *Obshch. nauch. red. i primech.* E.E. Lednikova. Ideya-Press; Dom intellektual. kn., Moskva.
101. Rassel B., Uaitkhed A. (2005). *Osnovaniya matematiki: V 3 t.* Per. Yu.N. Radaev, A.V. Ershov, R.A. Revinskii, I.S. Frolov. T. 1. Izd-vo Samarskogo universiteta, Samara.
102. *Regiony Rossii. Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli: Statisticheskii sbornik*. Rosstat, Moskva. 2000—2012.
103. *Resurs*. In: *Ideograficheskii slovar' russkogo yazyka*. Baranov O.S. Izd-vo ETS, Moskva. 1995. URL: <http://ideographic.academic.ru/706/%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81>
104. Ritter K. (2005). *O prostranstvennykh otnosheniyakh na povrkhnosti zemnogo shara i ikh vliya-nii na khod istoricheskogo razvitiya chelovechestva*. *Polis*. N 2. Pp. 102—114.
105. Rozental' D.E., Telenkova M.A. (1976). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov*. Izd. 2-e. Prosveshchenie, Moskva. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1396/%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5>
106. *Rossiiskim gorodam grozit zapustenie*. On: *Novosti.Mail.ru*. 2011. 8 iyunya. URL: <http://news.mail.ru/society/6080548/?frommail=1>
107. *Rossiya na vyborakh: uroki i perspektivy. Politgeograficheskii analiz*. Pod red. V.A. Kolosova. TsTP, Moskva. 1995.
108. Ryabushev S.A. (2004). *Logika i «Ledokol»*. On: *Voennaya literatura*. URL: http://militera.lib.ru/research/ryabyshev_sa/01.html
109. Saraf M.Ya. (2013). *Izmerenie kul'turnogo prostranstva. Prostranstvo i Vremya*. N 1(11). Pp. 58—68.
110. Svechin A.A. (1927). *Strategiya*. *Voennyi vestnik*, Moskva. URL: <http://militera.lib.ru/science/svechin1/index.html>
111. Semenov-Tyan-Shanskii V.P. (1899). *Puti soobshcheniya*. In: *Rossiya: Polnoe geograficheskoe opi-sanie nashego Otechestva Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei*. Pod red. V.P. Semenova (Tyan-Shanskogo) i pod obshch. ruk. P.P. Semenova i akad. V.I. Laman-skogo. Izd-vo A.F. Devriena, S-Peterburg. 1899. T. 1: *Moskovskaya promyshlennaya ob-last' i Verkhnee Povolzh'e*. Pp. 186—208.
112. Sivkov K. (2012). *Krizis i vseмирnaya resursnaya bor'ba. Voenno-promyshlennyy kur'er*. N 50 (467). 19 dekabrya.
113. Sila. On: *Vikipediya. Internet-entsiklopediya*. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BB%D0%B0#cite_ref-1
114. *Silovoe pole*. On: *Entsiklopediya fiziki i tekhniki*. URL: http://www.femto.com.ua/articles/part_2/3627.html
115. Slipchenko V. (1999). *Analiz voennoi kampanii NATO protiv Yugoslavii vesnoi 1999 goda. Nezavisimoe voennoe obozrenie*. N 25 (148). 2 iyulya.
116. Slipchenko V. (1997). *Voina budushchego (Kontseptual'no-prognosticheskii analiz)*. *Bezopasnost': Informatsionnyi sbornik*. N 7—9. Iyul'—sentyabr'. URL: <http://www.e-reading.mobi/book.php?book=112810>
117. Slipchenko V. (2002). *Voiny shestogo pokoleniya. Oruzhie i voennoe iskusstvo budushchego*. Veche, Moskva. 2002.

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

118. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А.Н. Чудинова. Изд. 3-е, исправ. и доп. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1910.
119. Словарь финансовых терминов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://finansovye-terminy.slovaronline.com/I/702-INFRASTRUKTURA>
120. Смолич И.К. Русское монашество. 988—1917. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997.
121. Современная энциклопедия, 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/5406>.
122. Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009.
123. Соловьев Вл. Пространство // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: 1890—1907. [Электронный ресурс]. режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
124. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность: Монография. 2-е изд. М: Канон +, Реабилитация, 2009.
125. Социология. Энциклопедия / Сост. А. Грицанов, В. Абушенко, Г. Евелькин, О. Терещенко М.: Книжный дом, 2003. (Мир энциклопедий).
126. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Т. 2. Классификация наук // Библиотека «Полки букиниста». 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://society.polbu.ru/spenser_experiencesii/ch01_iii.html.
127. Сперанская Н. «Мир без Запада», или завершение эры однополярности // Евразийский союз молодежи. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rossia3.ru/ideolog/nashi/mirbezzapada>
128. Страда В. Пространство, время, менталитет // Академические тетради. 1995. № 1. С. 61—64.
129. Страны Евросоюза возвратят внутренний пограничный контроль // Вечерний Якутск. 2013. 31 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vecherniy.com/post=13894>
130. Территория государственная // БСЭ. В 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969—1978. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article110238.html>
131. Топология // Википедия. Интернет-энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Топология>.
132. Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 3. С. 33—44.
133. Тынянова О.Н. В поисках смысла концепта «политическая глобализация» // Ценности и смыслы. 2011 а. № 1(10). С. 5—17.
134. Тынянова О.Н. Город российского пограничья как театр информационной войны // Погранология. Материалы постоянно действующего межведомственного научного семинара. М.: Пограничная академия ФСБ России, Отделение погранологии Международной Академии информатизации. 2010 а. № 3. С. 38—57.
135. Тынянова О.Н. На краю земли Русской: «монастырская колонизация» как российская геополитическая практика // Ценности и смыслы. 2010 б. № 4(7). С. 51—60.
136. Тынянова О.Н. Об эволюции инфраструктурной организации российских приграничных ТВД // Эволюция. 2010 в. № 11. С. 49—57.
137. Тынянова О.Н. Организация пограничного пространства современного Российского государства как фактор устойчивости в геополитических процессах. Дисс. ... к. полит. наук. М.: ПА ФСБ, 2008.
138. Тынянова О.Н. Пограничная политика государства в поствестфальскую эпоху: сущность, смыслы, проблемы практики и теории // Ценности и смыслы. 2010 г. № 5(8). С. 109—126.
139. Тынянова О.Н. Российский приграничный город в системе интеллектуальной безопасности // Международная конференция. Стратегия развития мегаполиса (некоторые аспекты) / Международная академия информатизации. М.: Издательство Инфориздат, 2012 а. С. 166—178.
118. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. Pod red. A.N. Chudinova. Izd. 3-e, isprav. i dop. Izdanie V.I. Gubinskogo, S-Peterburg. 1910.
119. Slovar' finansovykh terminov. URL: <http://finansovye-terminy.slovaronline.com/I/702-INFRASTRUKTURA>
120. Smolich I.K. (1997). Russkoe monashestvo. 988—1917. Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», Moskva.
121. Sovremennaya entsiklopediya, 2000. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/5406>.
122. Sodnompilova M.M. (2009). Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoi deyatel'nosti mongol'skikh narodov. Izd-vo BNTs SO RAN, Ulan-Ude.
123. Solov'ev V. (1890—1907). Prostranstvo. In: Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. S-Peterburg. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
124. Sorina G.V. (2009). Prinyatie reshenii kak intellektual'naya deyatel'nost': Monografiya. 2-e izd. Kanon +, Reabilitatsiya, Moskva.
125. Sotsiologiya. Entsiklopediya. Sost. A. Gritsanov, V. Abushenko, G. Evel'kin, O. Tereshchenko. Knizhnyi dom, Moskva. 2003. (Mir entsiklopedii).
126. Spenser G. (2006). Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie. T. 2. Klassifikatsiya nauk. On: Biblioteka «Polki bukinista». URL: http://society.polbu.ru/spenser_experiencesii/ch01_iii.html.
127. Speranskaya N. (2013). «Mir bez Zapada», ili zavershenie ery odnopolyarnosti. On: Evraziiskii soyuz molodezhi. URL: <http://rossia3.ru/ideolog/nashi/mirbezzapada>
128. Strada V. (1995). Prostranstvo, vremya, mentalitet. Akademicheskie tetradi. N 1. Pp. 61—64.
129. Strany Evrosoyuza vozvratyat vnutrennii pogranichnyi kontrol'. Vechernii Yakutsk. 2013. 31 maya. URL: <http://www.vecherniy.com/post=13894>
130. Territoriya gosudarstvennaya. In: BSE. V 30 t. 3-e izd. Sovetskaya entsiklopediya, Moskva. 1969—1978. URL: <http://bse.sci-lib.com/article110238.html>
131. Topologiya. On: Vikipediya. Internet-entsiklopediya. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Топология>.
132. Turovskii R.F. (1995). Politicheskii landshaft kak kategoriya politicheskogo analiza. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. N 3. Pp. 33—44.
133. Tynyanova O.N. (2011a). V poiskakh smysla kontsepta «politicheskaya globalizatsiya». Tsennosti i smysly. N 1(10). Pp. 5—17.
134. Tynyanova O.N. (2010a). Gorod rossiiskogo pogranich'ya kak teatr informatsionnoi voiny. In: Pogranologiya. Materialy postoyanno deistvuyushchego mezhvedomstvennogo nauchnogo seminar. Pogranichnaya akademiya FSB Rossii, Otdelenie pogranologii Mezhdunarodnoi Akademii informatizatsii. N 3. Moskva. Pp. 38—57.
135. Tynyanova O.N. (2010b). Na krayu zemli Russkoi: «monastyrskaya kolonizatsiya» kak rossii-skaya geopoliticheskaya praktika. Tsennosti i smysly. N 4(7). Pp. 51—60.
136. Tynyanova O.N. (2010v). Ob evolyutsii infrastrukturoi organizatsii rossiiskikh prigranichnykh TVD. Evolyutsiya. N 11. Pp. 49—57.
137. Tynyanova O.N. (2008). Organizatsiya pogranichnogo prostranstva sovremennogo Rossiiskogo gosudarstva kak faktor ustoichivosti v geopoliticheskikh protsessakh. Diss. ... k. polit. nauk. PA FSB, Moskva.
138. Tynyanova O.N. (2010g). Pogranichnaya politika gosudarstva v postvestfal'skuyu epokhu: sushchnost', smysly, problemy praktiki i teorii. Tsennosti i smysly. N 5(8). Pp. 109—126.
139. Tynyanova O.N. (2012a). Rossiiskii prigranichnyi gorod v sisteme intellektual'noi bezopasnosti. In: Mezhdunarodnaya konferentsiya. Strategiya razvitiya megapolisa (nekotorye aspekty) / Mezhdunarodnaya akademiya informatizatsii. Izdatel'stvo Inforizdat, Moskva. Pp. 166—178.

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

140. Тынянова О.Н. Российский приграничный город как объект и субъект информационной войны // *Ценности и смыслы*. 2012 б. № 1(17). С. 64—82.
141. Тынянова О.Н. Российский университет как инструмент «практической геополитики» // *Роль образования и педагогической науки в социокультурной модернизации российского общества*. Сборник научных трудов Международной научно-теоретической конференции 24 октября 2011 г. Часть I. М.: Институт теории и истории педагогики, 2011 б. С. 341—351.
142. Феодализация // *Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*. СПб., 1890—1907. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
143. Флоренский П. Анализ пространственности (и времени) в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П. *История и философия искусства. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии*. Собр. соч. М.: Мысль, 2000. (Философское наследие. Т. 131). С. 81—258.
144. Филиппов А. Суверенитет как политический выбор // *Суверенитет*. Сборник / Сост. Никита Гараджа. М.: Издательство «Европа», 2006. С. 173—200.
145. Финансовый словарь Финам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictionary.finam.ru/dictionary/wordf00282/default.asp>
146. Фомин М.В., Волчков Д.Н., Танасюк М.А., Лузин П.А., Куцына Е.А., Ноздря А.Н., Придатыко Е.П., Басов Ф.А., Зонов Ф.А., Мынкин Д.А., Насибов И.А. Россия в мировых конфликтах. *Горизонт — 2019 // Рефлексивные процессы и управление*. Между-народный научно-практический междисциплинарный журнал. 2008. Т. 8. № 2. Июль—декабрь. С. 5—29.
147. Фуко М. Другие пространства // *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис, 2006 а. Ч. 3. С. 191—204.
148. Фуко М. Пространство, знание и власть // *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис, 2006 б. Ч. 3. С. 215—236.
149. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
150. Фуко М.. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
151. Фурсов А.И. Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь» 3 февраля 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=124>
152. Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // *Россия в глобальной политике*. 2008. № 4. Июль—Август. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11144
153. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Хаусхофер К. *О геополитике. Работы разных лет*. М.: Мысль, 2001. С. 7—250.
154. Ходов А. Американцы выведут российскую глубинку в сеть // *Hi-Tech.mail.ru*. 2010. 18 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hi-tech.mail.ru/news/misc/iridium_sputnik_russia.html
155. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // *Философские науки*. 2008. № 2. С. 10—33. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/fn2_2008/01_Horuzhy.doc
156. Храмчихин А.А. Война России с Китаем — миф или неизбежность? // *Newsland*. Сетевое издание — информационно-дискуссионный портал. 16.01.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/615848/>
157. Цымбурский В.Л. Хронополитика // *Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В.С. Стёпина*. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/3320.html>
158. Челышев Е.П. Исход на Юг // *Пространство и Время*. 2013. № 1 (11). С. 76—87.
159. Широкоград А. Тихоокеанский вал Сталина: семь самураев и дальноточная артиллерия // *Популярная механика*. 2005. Ноябрь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.popmech.ru/article/311-tihookeanskiy-val-stalina/#channel=f39b95965d5833&origin=http%3A%2F%2Fwww.popmech.ru&channel_path=%2Ffbchannel.php%3Ffb_xd_fragment%23xd_sig%3Df139991ed9dc63b%26
140. Tynyanova O.N. (2012b). Rossiiskii prigranichniy gorod kak ob"ekt i sub"ekt informatsionnoi voiny. *Tsennosti i smysly*. N 1(17). Pp. 64—82.
141. Tynyanova O.N. (2011b). Rossiiskii universitet kak instrument «prakticheskoi geopolitiki». In: *Rol' obrazovaniya i pedagogicheskoi nauki v sotsiokul'turnoi modernizatsii rossiiskogo obshchestva*. Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii 24 oktyabrya 2011 g. Chast' I. Institut teorii i istorii pedagogiki, Moskva. Pp. 341—351.
142. Feodalizatsiya. In: *Entsiklopedicheskii Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. S-Peterburg. 1890—1907. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
143. Florenskii P. (2000). Analiz prostranstvennosti (i vremeni) v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh. In: *Florenskii P. (2000). Istoriya i filosofiya iskusstva. Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii*. Sobr. soch. Mysl', Moskva. (Filosofskoe nasledie. T. 131). Pp. 81—258.
144. Filippov A. (2006). Suverenitet kak politicheskii vybor. In: *Suverenitet*. Sbornik / Sost. Nikita Garadzha. Izdatel'stvo «Evropa», Moskva. Pp. 173—200.
145. Finansovyi slovar' Finam. URL: <http://dictionary.finam.ru/dictionary/wordf00282/default.asp>
146. Fomin M.V., Volchkov D.N., Tanasyuk M.A., Luzin P.A., Kutsyna E.A., Nozdrya A.N., Pridat'ko E.P., Basov F.A., Zonov F.A., Mynkin D.A., Nasibov I.A. (2008). *Rossiya v mirovykh konfliktakh*. Gorizont - 2019. In: *Refleksivnye protsessy i upravlenie*. Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii mezhdistsiplinarnyi zhurnal. T. 8. N 2. Iyul'—dekabr'. Pp. 5—29.
147. Fuko M. (2006a). *Drugie prostranstva*. In: *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Praksis, Moskva. Ch. 3. Pp. 191—204.
148. Fuko M. (2006b). *Prostranstvo, znanie i vlast'*. In: *Intellektualy i vlast': izbrannye poli-ticheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Praksis, Moskva. Ch. 3. Pp. 215—236.
149. Fuko M. (1994). *Slova i veshchi*. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. A-cad, S-Peterburg.
150. Fuko M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat'*. Rozhdenie tyur'my. Ad Marginem, Moskva.
151. Fursov A.I. (2007). *Korporatsiya-gosudarstvo*. Doklad na zasedanii kluba «Krasnaya ploshchad'» 3 fevralya 2007 g. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=124>
152. Khaas R. (2008). *Epokha bespolyarnogo mira*. Rossiya v global'noi politike. N 4. Iyul'—Avgust. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11144
153. Khauskhofer K. (2001). *Granitsy v ikh geograficheskom i politicheskom znachenii*. In: *Khauskhofer K. O geopolitike*. Raboty raznykh let. Mysl', Moskva. Pp. 7—250.
154. Khodov A. (2010). *Amerikantsy vyvedut rossiiskuyu glubinku v set'*. On: *Hi-Tech.mail.ru*. 18 marta. URL: http://hi-tech.mail.ru/news/misc/iridium_sputnik_russia.html
155. Khoruzhii S.S. (2008). *Problema postcheloveka, ili transformativnaya antropologiya glazami sinergiinoi antropologii*. *Filosofskie nauki*. N 2. Pp. 10—33. URL: http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/fn2_2008/01_Horuzhy.doc
156. Khamchikhin A.A. (2011). *Voina Rossii s Kitaem — mif ili neizbezhnost'?* On: *Newsland*. Setevoe izdanie — informatsionno-diskussionnyi portal. 16.01.2011. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/615848/>
157. Tsyburskii V.L. (2010). *Khronopolitika*. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. Pod red. V.S. Stepina*. Mysl', Moskva. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3320.html>
158. Chelyshev E.P. (2013). *Iskhod na Yug*. *Prostranstvo i Vremya*. N 1 (11). Pp. 76—87.
159. Shirokorad A. (2005). *Tihookeanskiy val Stalina: sem' samuraev i dal'noboinaya artilleriya*. On: *Populyarnaya mekhanika*. Noyabr'. URL: http://www.popmech.ru/article/311-tihookeanskiy-val-stalina/#channel=f39b95965d5833&origin=http%3A%2F%2Fwww.popmech.ru&channel_path=%2Ffbchannel.php%3Ffb_xd_fragment%23xd_sig%3Df139991ed9dc63b%26

**Тынянова О.Н. КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТВД В ПОСТКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ**

160. Шлыков В. Демонополитизация информации // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. Июль—август. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11155
161. Шматко Н.А. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё // Центр гуманитарных технологий. 1.10.2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3707/3708>
162. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005.
163. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: «Владимир Даль», 2006.
164. Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
165. Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М.: Типография И. Лисснера и Д. Собко, 1916.
166. Яковлев В.В. Эволюция долговременной фортификации. М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1931.
167. Force. Glossary. Earth Observatory. NASA. URL: <http://web.archive.org/web/20081012110724/http://eobglossary.gsfc.nasa.gov/Library/glossary.php3?mode=alpha&seg=f&segend=h>
168. Nicolas Bourbaki. Espaces vectoriels topologiques. Paris: Hermann, 1955—1966.
169. Ratzel F. Der Lebensraum. Eine biogeographische Studie. Tübingen: H. Laupp, 1901. 87 S.
170. Ratzel F. Politische geographie; oder, Die geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. 2. umgearb Aufl. München; Berlin: R. Oldenbourg, 1903. xvii, 838 S.
171. Schloegel K. Im Raume lesen wir die Zeit. Ueber Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. Muenchen, 2003.

**THE CONCEPT OF ORGANIZED GEOPOLITICAL SPACE:
INFRASTRUCTURAL ORGANIZATION OF BORDER THEATERS OF OPERATIONS
IN THE POST-CLASSICAL EPOCH**

Olga N. Tynyanova, PhD (Political Sciences), Chief Engineer at the RAS Institute of the Physic of the Earth, Researcher at Bureau of Military Scientific Information, Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Vice-President of the Pogradology (Border Science) Branch at the International Informatization Academy

E-mail: ucg.ltd@list.ru; pro_gnosis@mail.ru

The article is a detailed exposition of the author's approach to the interpretation of the category "geopolitical space" based on the A. Doctorovich's dynamic social space theory. Thus, by analyzing the using of categories "spatial" and "spatial" in geopolitical research we found that 1) those categories are used by default as identical, 2) geopolitics investigates "places" (loci) and the plane (surface) instead of the space. At best this geopolitical space is nothing like a physical three-dimensional space, to which is added the "fourth dimension" that is a human activity. Accordingly, geopolitics uses landscaped and topological approaches instead of the spatial method.

On the contrary, we believe that space as a category of geopolitics is not a three-dimensional physical, it is, in our view, the social space, which is formed as an array of the elements — social fields and interaction of those ones, and all the resources of power are located precisely in this space.

We have proposed own classification of generic resources of power and the original definition of the dimension of social space in general and geopolitical one in particular. Thus, we believe that the territory is universal resource of the first kind, universal resource of the second kind are the people (the population) and organization (in the broadest sense of the word), and, finally, a universal resource of the third kind is the information. So each subsequent resource provides access to the previous ones. As for the dimension of social and geopolitical space, the "basis vectors" of such space are modality as categories which characterize the way of action or attitude to the action. There are seven types of modality (Alethic logical, Alethic actual, Deontic, Axiological, Epistemic, Spatial, and Temporal), and this means that we are dealing with a seven-dimensional social space. Thus, the organization of the geopolitical space is a way of structuring of 1) social fields, 2) image of the territories and of the objects situated there, and 3) structuring of modus operandi in relation to one and the other.

In this way organization of space we interpret in the spirit of Bourdieu's — Lefebvre's — Doctorovich's sociology, cultural studies of Michel Foucault and tectological ideas of A. Bogdanov. On this basis, we have refined some definition of ('geopolitical space', 'border space', and 'border war theater'), have identified 'border war theaters' and 'boundary war theaters' and offered a periodization of the evolution of the infrastructural organization of those ones. In particular, depending on the ratio of the territorial and spatial at border war theater we distinguish locally-linear, linear-spatial and spatial phases of its infrastructural organization.

In conclusion, we make suggestion that in the post-classical period, when the territory conquered by the conquest of the social space, the main infrastructure of power is knowledge. Therefore, contemporary geopolitics is essentially the geopolitics of knowledge.

Keywords: conceptualization; geopolitical space; border space; infrastructural organization of space; border theater of military operations; spatialization; modality; power; knowledge; 'geopolitics of knowledge'.